
Алиса Вернер
САД ЗАБЫТЫХ КЛЯТВ

Алиса Вернер

"САД ЗАБЫТЫХ КЛЯТВ"

«Автор»
2026

Вернер А.

"САД ЗАБЫТЫХ КЛЯТВ" / А. Вернер — «Автор», 2026

В городе, где магические клятвы управляют судьбами людей, даже произнесённое слово может превратиться в приговор.Мира Вейл, хранительница загадочного Королевского сада, обнаруживает следы преступления, которое стоило жизни её матери. Древняя магия, некогда созданная для защиты жителей, стала оружием власти.Единственный, кто способен помочь Мире, — Элиан Роэн. Его голос может заставить людей повиноваться, но сам он больше всего мечтает обрести свободу.Между ними рождается чувство, которому нельзя доверять слепо. Ведь одна ошибка способна превратить любовь в новую цепь.Чтобы разрушить систему принуждения, им придётся раскрыть тайны прошлого, бросить вызов короне и решить, чем они готовы пожертвовать ради права выбирать собственную судьбу.**Но можно ли спасти любимого человека, не лишив его свободы?**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цветок без имени 6
Глава 2. Человек, который не приказывает 8
Глава 3. Земля помнит 10
Глава 4. Цена послушания 12
Глава 5. Страница, вырезанная ножом 14
Глава 6. Вода под городом 16
Глава 7. Двенадцать лет молчания 18
Глава 8. Непроизнесённая просьба 25
Глава 9. Праздник верности 34
Глава 10. Первая ложь короны 42
Глава 11. Письма без подписи 49
Глава 12. Ужин с регентом 58
Глава 13. Сад после полуночи 66
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Алиса Вернер
"САД ЗАБЫТЫХ КЛЯТВ"

САД ЗАБЫТЫХ КЛЯТВ
Алиса Вернер

Глава 1. Цветок без имени

В тот год, когда Королевский сад впервые отказался принимать чужие клятвы, Мира Вейл нашла цветок без названия.

Он вырос между северной стеной и старым водомерным камнем — там, где уже двенадцать лет не удавалось приживить ничего, кроме серого мха. У цветка было пять тёмных лепестков, тонких, словно промокшая бумага. Утром они оставались сомкнутыми, а под вечер поворачивались не к солнцу, а к городу.

Мира опустилась на колени, вытащила из кармана складной нож и осторожно срезала землю сбоку от стебля. Не повреждая корней, она проверила влажность и записала её в журнал. За двадцать семь лет жизни она привыкла доверять признакам, которые можно измерить. Цветы, вырастающие из нарушенных обещаний, хранили память о произнесённых словах, но даже они подчинялись некоторым законам. Слишком сухая почва губила свидетелей так же верно, как обычные розы.

— Он не должен здесь расти, — сказал за спиной мастер Орен.

Мира обернулась. Старик руководил садовыми работами ещё при её матери и не любил, когда кто-нибудь называл растения чудесами. Он держал в руках моток бечёвки и смотрел на находку так, словно та могла услышать его.

— Тогда что же он делает? — спросила Мира.

— Напоминает, что мы недостаточно хорошо знаем собственную землю.

На северной стене сохранилась светлая полоска, оставшаяся после пожара. Когда Мире было пятнадцать, здесь обрушился старый павильон свидетельств. Мать погибла в ту ночь, и дворец объявил её нарушительницей королевской присяги. Все документы о пожаре опечатали. От Миры потребовали помнить Лиссу Вейл как добрую женщину, совершившую непоправимую ошибку. Но никто не объяснил, в чём состояла ошибка.

— В прошлых журналах нет этого вида, — сказала она.

Орен сделал вид, что не расслышал. Мира заметила движение его челюсти: он точно так же молчал, когда она впервые спросила о закрытом проходе под стеной.

Со стороны теплиц прибежал Тави, ученик с вечно торчащими волосами. Ему было пятнадцать, и он верил, что в любом споре можно победить, если принести нужную книгу.

— Пришёл дворцовый посыльный. Просит главную хранительницу к западным воротам. Там какой-то господин с серебром на шее.

— С каких пор ты замечаешь украшения дипломатов?

— Это не украшение. Оно шевельнулось, когда он спросил, можно ли войти.

Мира поднялась. В журнале рядом с новым растением она оставила пустую графу «имя». Придумать название было легко. Труднее — не подменить именем то, чего она пока не знала.

У ворот ждал высокий мужчина в дорожном тёмном пальто. Серебряная отметина виднелась у него над воротником, но вблизи оказалось, что она не лежит на коже: узкие линии уходили под неё, будто старая рана проросла металлом. Мужчина заметил её взгляд и не стал закрывать шею.

— Элиан Роэн, представитель Пограничного совета. Я направлен проверить состояние северной корневой сети перед Днём возобновления.

— По чьему распоряжению?

Он показал письмо с подписью регента Селды Аркен. Формулировка давала право осматривать архивы, но не позволяла срезать растения или пробовать новые обряды.

— Вы пришли за цветами или за их показаниями? — спросила Мира.

— За состоянием сети. Я хотел бы прежде понять, какие исследования вы согласитесь показать.

Её удивило слово «согласитесь». Большинство дворцовых чиновников просто требовали ключи.

Они подошли к северной стене на исходе дня. Чёрный бутон раскрылся почти беззвучно. Лепестки образовали маленькую чашу, и воздух над ней дрогнул. Мира отступила: из чаши донёсся знакомый голос, такой тихий, будто говорил человек по другую сторону двери.

— Не отдавайте ему слова, — произнёс цветок.

Это был голос Лиссы.

Мира не могла ошибиться. Она помнила, как мать называла её «зайчонком», как смеялась над садовыми ворами, как перед сном читала вслух книги, пропуская страшные места. Мира попыталась приблизиться, но Орен схватил её за плечо.

— Не трогай, — хрипло сказал он.

Элиан стоял неподвижно. На его шее серебро побелело. Не цветок повернулся к нему — весь влажный грунт вокруг него слегка поднялся, словно под поверхностью проснулось что-то огромное.

— Что вы услышали? — спросил он.

Мира посмотрела ему в лицо.

— Голос моей матери. А вы?

— Слова, которых никто здесь не произносил. И моё имя, — ответил он после долгого молчания.

Цветок сомкнулся. Под стеной раздался глубокий, почти неслышный удар. Орен опустился на скамью, будто внезапно состарился ещё на десяток лет.

Мира хотела потребовать объяснений. Но впервые поняла, что вопрос касается не только смерти Лиссы. В корнях под садом хранилось что-то, что знало Элиана и боялось его голоса.

До Дня возобновления оставалось меньше месяца.

Глава 2. Человек, который не приказывает

На следующий день Элиан пришёл без дворцовой охраны и с записной книжкой, где половина страниц осталась чистой.

— Я решил ничего не записывать прежде, чем вы подтвердите, что эти наблюдения можно передавать Совету, — сказал он.

Мира не спала почти всю ночь. Голос матери то казался ей воспоминанием, то снова звучал в ушах с пугающей ясностью. Она хотела довериться Элиану, потому что цветок назвал его; она не доверяла ему по той же причине.

— Для начала объясните отметину на шее.

Он не отвёл взгляда.

— Она появилась в шесть лет. Меня привели к корневому камню для государственного опыта. Документы закрыты. Я помню холодное помещение, голос взрослого и то, как после обряда люди стали делать некоторые вещи, стоило мне сказать их вслух.

— Любые вещи?

— Нет. Только те, кого уже связывает определённая королевская клятва. И не всякая фраза становится приказом. Но я не могу обещать, что отличу безопасные слова от опасных прежде, чем их произнесу.

Он сказал это без гордости и без просьбы пожалеть его. От этого страх Миры не исчез, зато стал точнее.

— Поэтому вы всё время спрашиваете?

— Потому что вопрос оставляет человеку возможность не делать того, чего я хочу.

У южного пруда они обнаружили садового сторожа Дарена Мальта, который спорил с младшим помощником о запертой решётке. Помощник спешил: на дальнем участке поднималась вода. Дарен требовал дождаться распоряжения. Элиан остановился в нескольких шагах.

— В чём опасность? — спросил он.

— Если вода перельётся, погибнут молодые корни, — ответила Мира. — Но решётка заклинила.

Дарен посмотрел на Элиана и невольно выпрямился.

— Господин Роэн, прикажите мне открыть ворота, — сказал он с усталой усмешкой. — И мы перестанем спорить.

Мира увидела, как побелели пальцы Элиана.

— Я не отдам такой приказ. Вы сами решаете, стоит ли открывать решётку до прихода мастера.

— Я присягал короне, а не вам.

— Тем более.

Пока они разбирали железо обычными инструментами, Мира заметила на запястье сторожа старый рубец: серебристые линии, едва видимые под кожей. Дарен признался, что иногда исполняет приказ ещё до того, как успевает обдумать его. Однажды так произошло на восточных воротах, и он повредил плечо.

— Я тогда сказал ему: «Откройте», — признался Элиан, когда Дарен отошёл. — Думал, предлагаю помочь с заевшим замком. Он бросился под падающую створку. С тех пор я не имею права считать осторожность чужой обязанностью.

— Вина за чужую клятву не принадлежит одному вам.

— Но за свои слова отвечаю я.

Мира помогла поднять деревянную распорку. Вместо приказа они попросили Дарена позвать мастера; вместо волшебства понадобились верёвка, рычаг и полчаса тяжёлой работы. Когда вода пошла по каменному желобу, никто не назвал случившееся подвигом.

После полудня они вернулись к цветку. На этот раз Мира принесла стеклянную пластину и чистый лист. Она заранее сказала Элиану, что собирается слушать возможное свидетельство, но не позволит ему говорить в ответ корням, пока не поймёт механизм связи.

— Согласен, — ответил он. — Если что-то изменится, вы можете остановить исследование.

— Я могу его остановить и без вашего разрешения.

Он улыбнулся впервые за день.

— Именно так.

Чёрные лепестки дрогнули. На стекле проступили семь неровных следов. Шесть сходились к камню дворцовой печати, а седьмой уходил вглубь стены и терялся там, где на плане была нарисована сплошная кладка.

— В садовой схеме только шесть линий, — тихо сказала Мира.

— Значит, нужно найти прежнюю.

— Прежние схемы закрыли после пожара.

Элиан посмотрел на старую башню архива за стенами сада.

— Тогда будем просить доступ в письменном виде. И узнаем, кто предпочитает, чтобы на просьбу не отвечали.

Мира хотела сказать, что так они потеряют время. Но вспомнила Дарена, которого чужое короткое слово однажды заставило шагнуть под тяжёлую дверь. Она поставила рядом с рисунком дату и свою подпись. Элиан подписывать свидетельство не стал: всё, что он мог удостоверить, — собственное присутствие.

Когда они разошлись у выхода, северный цветок остался открытым ещё несколько минут. В саду пахло мокрым камнем и травой. Мира впервые за двенадцать лет подумала, что материнское молчание может быть не концом истории, а началом разговора, к которому никто из них не готов.

Глава 3. Земля помнит

Нерин Холт встретил их в коридоре архива с видом человека, которому дважды за одно утро сообщили неприятные новости.

— Нет, — сказал он, ещё не выслушав просьбу Миры.

— Я ещё не спросила.

— Ты хочешь старый план северной стены. Вчера сюда поступило предписание проверять все обращения хранителей сада. На бланке стоит твоя фамилия.

Нерин когда-то учил её читать годовые реестры. Сейчас его пальцы покоились на папке так неподвижно, будто он опасался случайно открыть нужную страницу.

— Это законный запрос, — сказал Элиан и положил на стол копию полномочий.

— Законность и безопасность не всегда совпадают, — ответил архивист. — Но отказать без основания я не могу. У нас есть неполный каталог. Оригиналы за двенадцатый год после пожара относятся к закрытому хранению.

Мира заметила, как Нерин изменился в лице при слове «пожар». Он отодвинул каталожный ящик и отошёл, не предложив им остаться одними и не вмешиваясь.

В папке были планы водных каналов, сметы и перечни растений. Седьмая строка отсутствовала не на одном листе, а во всей серии: после шестого признака чернила обрывались, а рядом оставалось слишком много места для обычного почерка. Мира провела пальцем по пустой колонке.

— Раньше здесь было что-то написано.

— Возможно, — сказал Элиан. — Но пока это след удаления, а не доказательство того, что именно удалили.

Из соседнего зала донеслось шуршание бумаги. Нерин вошёл с подносом чая, поставил его на край стола и случайно задел рукавом книгу. На запястье под тканью Мира увидела узкую серебряную линию. Он тут же отдёрнул руку.

— Ты тоже связан клятвой? — спросила она.

Архивист долго смотрел на чашки.

— Я давал присягу хранить государственные документы. И другие обязательства. Не спрашивай, какие. Некоторые ответы дорого обходятся.

— Они касаются мамы?

Нерин уронил чайную ложку. Серебряный след на коже вспыхнул, хотя он не произнёс ни слова. Элиан осторожно отодвинул его чашку, чтобы тот не обжёгся.

— На этот вопрос можно не отвечать, — сказал он.

Мира ощутила злость на обоих: на Нерина — за годы молчания, на Элиана — за то, что тот защищал право старика молчать. Потом увидела дрожь в руке архивиста. Он не играл с ними в загадки. Его удерживала боль.

Вечером они спустились к северной стене вместе с Ореном. Под недавно осыпавшимся камнем Мира нашла узкий пласт грунта, отличавшийся от остального: словно во время строительства туда уложили корни, затем торопливо забросали известью.

— Мать выращивала их здесь? — спросила она.

Орен присел рядом. Молчал так долго, что Тави успел принести второй фонарь.

— Лисса говорила: растение хранит не приказ, а свидетельство о том, что человек произнёс, — ответил наконец старик. — В старых обрядах корни были нужны затем, чтобы никто не мог задним числом изменить обещание. Но после перестройки они стали причинять боль тому, кто осмеливался отказаться.

— Кто перестроил?

— Не один человек. И не за один день.

— Вы помогали?

— Я выращивал растения. Думал, этим всё ограничивается.

Мира вспомнила все детские годы, когда сад казался ей безопаснее дворца. Неужели под его дорожками скрывался механизм, подчиняющий город?

Они перенесли в теплицу горсть почвы, чтобы сравнить её с пробами возле цветка. На чистой пластине через час выступили две записи. Первая повторяла знакомую церемониальную формулу: «Соглашаюсь служить общему порядку». Вторая была слабее, почти стёртая: «Свидетельствую о согласии, которое могу отозвать».

Тави прочёл её вслух и нахмурился.

— Так это совсем другое.

— Да, — сказала Мира. — И кто-то очень хотел, чтобы мы забыли разницу.

Когда остальные ушли, она долго сидела возле подноса с почвой. Перед нею лежало не признание виновного и не оправдание матери. Только две несовместимые фразы. Но впервые у Миры было не чувство, а вещественный след того, что королевский договор изменили.

На рассвете она отправила Нерину письменную просьбу выдать копии старых правил свидетельств. В приписке было всего два слова: «Без объяснений». Он мог дать документы, если закон позволял. Ему не нужно было страдать ради её ответа.

Глава 4. Цена послушания

В день, когда дворцовая канцелярия приказала проверить городские шлюзы, нижний квартал проснулся от звука пустых вёдер.

Вода в общественном колодце стояла на пол-локтя ниже обычного уровня. Женщины спорили с водоносом, который не виноват был ни в насосах, ни в корневой сети. Один мальчик пытался опустить верёвку до самого дна; ведро стукнулось о камень и поднялось почти сухим.

Мира пришла сюда по приглашению Инги Мор. Начальница гильдии водных мастеров была ниже ростом, чем ожидала Мира, и двигалась так, будто каждую минуту выбирала между тремя авариями.

— Вы храните цветы, которые помнят чужие слова? — спросила Инга вместо приветствия.

— Да.

— Тогда посмотрите, какие слова помогают этим людям напиться.

Она провела Миру по узкому мосту к нижнему водомеру. На каменной стене светились шесть корневых линий, каждая отвечала за распределение давления. Седьмой не было. По соседству работали трое мастеров. Один из них, Терен, держал ладони над рычагом и не смел отвести руки, хотя кожа на пальцах уже покраснела.

— Почему он не отдыхает? — спросила Мира.

— Потому что начальник участка потребовал продолжать смену до стабилизации сети. У Терена королевское обязательство. Если он бросит рычаг, печать ударит его болью.

— Значит, нужно сменить начальника.

— Можно. А ещё можно сменить самого Терена. Но тогда кто-нибудь другой окажется на том же месте. Я хочу сменить порядок.

Элиан появился, когда Инга проверяла давление у входного затвора. Он принёс измерения дворцового отдела. Врач уже увёл Терена: после письменного обращения гильдии тот получил разрешение оставить пост. Инга не поблагодарила дворец, потому что освобождать человека от боли по специальному разрешению казалось ей издевательством.

— Вы можете заставить их открыть резервный канал? — спросила она Элиана.

— Возможно. Но не стану.

— Даже если колодец пересохнет?

— Сначала нужно узнать, что произойдёт после открытия. Здесь нет свободного стока для лишнего давления. Если мы ошибёмся, вода пойдёт в жилые подвалы.

Инга прищурилась.

— Наконец-то из дворца прислали человека, который допускает, что ничего не понимает.

Они провели полдня за чертежами. Арден Сор, инженер с усталыми глазами, показал им старый механический замок, снятый при перестройке. В его конструкции не было ничего чудесного: железная собачка, страховочная цепь и возможность остановить движение вручную.

— При магической перестройке такие замки признали ненужными, — сказал Арден. — Я тогда согласился. Клятвы казались надёжнее металла.

— Металл можно проверить, — ответила Мира.

— И он может сломаться. Но с ним хотя бы ясно, кто и когда его починил.

Вечером Инга предложила проверить запасной водовод. Договорились без печатей: мастерская отвечает за инструменты, Мира за растительные образцы, Элиан не произносит команд возле связанных работников. Каждый мог отказаться, если риск изменится.

У северной развилки их остановил молодой стражник. Он предъявил приказ Велана запрещать посещение канала без личного разрешения магистра. Инга сразу потребовала копию. Стражник покраснел, потому что копии у него не было.

— Нам достаточно вашего слова? — спросила она.

Элиан заметил, как стражник машинально выпрямился при звуке его голоса. Он отошёл за плечо Миры и больше не вмешивался. Отдать команду было бы быстрее; потом всю ночь пришлось бы гадать, почему сторож подчинился.

Они вернулись с пустыми руками. У колодца всё ещё стояли люди. Мира видела, как раздражённо Инга смотрит на них: у неё уже была схема ремонта, но не было права открыть створку.

— У права отказаться есть цена, — сказала Мира.

— Есть. Только я не хочу, чтобы за чужой отказ всегда платили те, кто стоит с ведром, — ответила Инга. — Нам понадобятся другие механизмы, иначе свобода останется красивым словом для людей с полной ванной.

В ту ночь Мира записала в журнал не имя виновного, а цифру давления в нижнем колодце. Рядом оставила место для следующего измерения. Город не мог ждать, пока она разберётся в семейной тайне. Но, возможно, эти две задачи оказались частью одной работы.

Глава 5. Страница, вырезанная ножом

Из архива пришла папка с семью пронумерованными листами. Внутри лежало только шесть.

Нерин отправил её официально, со штампом выдачи и подписью дежурного. На обложке стояло «Первоначальные основания общего договора». Пятый лист описывал право на убежище, шестой — обмен труда и зерна. Мира перелистнула дальше и обнаружила ровный белый прямоугольник там, где должна была быть седьмая страница. Края были не вырваны, а срезаны тонким лезвием.

— Это сделали недавно? — спросил Тави.

Она поднесла книгу к свету. На срезе не было пыли, но бумага могла долго храниться под защитной обложкой. Мира не стала делать вывод без сравнения.

— Кто-то очень старался, — сказала она.

Орен вошёл, увидел раскрытую папку и остановился у порога.

— Положи её обратно.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз всё началось с этой книги.

— В прошлый раз погибла мама. Я имею право знать, что она читала.

Старик снял шапку. Когда он заговорил, голос был неожиданно тихим:

— Лисса хотела доказать, что обещание можно отозвать до того, как оно станет приказом. Она нашла старую ветвь, которая помнила слова без боли. А потом её вызвали во дворец. Я не знаю, что там произошло. Когда услышал о пожаре, вход под северной стеной уже был запечатан.

Мира едва сдержала вопрос: «Вы ей помогли?» Она видела, что Орен и так обвиняет себя. Но ей была нужна правда, а не ещё одна исповедь, за которой не последует дела.

— Покажите место, где был вход.

— Если разрешат.

— Нет. Покажите на садовом плане. Это ваша память, не чужая дверь.

Орен взял карандаш и отметил три камня у северной стены. Под первым проходила старая водомерная труба, под вторым была полость, третьим после пожара закрыли узкую лестницу.

Элиан рассматривал план, когда пришёл магистр Велан. В его руках был футляр с семью металлическими штифтами. Он представился как руководитель дворцовых исследований и попросил предоставить чёрный цветок для проверки перед церемонией.

— Проверка разрушит его? — спросила Мира.

— Возможно, часть ткани придётся отделить.

— Тогда я не согласна.

Велан улыбнулся так, будто услышал каприз.

— Это растение принадлежит короне.

— Оно растёт в саду, за который отвечаю я. В вашем распоряжении нет права уничтожать свидетельство.

— Вы ставите личные воспоминания выше государственного интереса.

— Я ставлю проверяемое свидетельство выше предположения.

Когда магистр повернулся к Элиану, серебряная метка на его шее дёрнулась. Велан предложил «проверить реакцию» и протянул один из штифтов к корню. Элиан отступил.

— Без письменного протокола и указания последствий я не участвую.

— Ваш отказ выглядит неблагодарностью государству, которое вас воспитало.

— Государство могло бы начать с того, чтобы показать мне документы о собственном воспитании.

Велан ушёл, забрав футляр. Но вечером в садовом журнале обнаружилось предписание запереть северный участок. Мира и Элиан успели снять с цветка измерения прежде, чем пришла стража. На стекле, где обычно оставались неровные линии, появился след тонкой дуги, будто растение указывало не на землю, а на железную скобу под стеной.

Тави спросил, не следует ли спрятать папку. Мира закрыла её, вписала факт отсутствия седьмого листа в журнал и отправила две копии сообщения — в архив и в канцелярию Совета.

— Так они узнают, что мы ищем, — заметил мальчик.

— Они уже знают. Теперь останется след того, что мы нашли отсутствие страницы раньше, чем кто-то решил её отрицать.

Перед уходом она нашла на своём столе старый садовый ярлык. На обороте стояли три слова почерком Лиссы: «Не запирай выход». Мира не знала, оставила ли ярлык мать или кто-то принёс его сегодня. Она положила его рядом с журналом, отдельно от официальных доказательств.

Внизу страницы она написала: «Слова без свидетеля можно изменить. Свидетеля без слова — заставить молчать. Нужно сохранить и то и другое».

Глава 6. Вода под городом

Дождь начался ещё до рассвета. К полудню вода в верхнем канале поднялась настолько, что обычный график работы шлюзов перестал иметь смысл.

Инга прислала в сад записку: «Если хотите увидеть, как ваши корни держат восемь тысяч семей, приходите к нижним мастерским. Возьмите сапоги». Мира прочла её, надела самое старое пальто и нашла Элиана у западных ворот. Он уже держал фонарь.

— Вы собираетесь предложить мне пойти вместе с вами? — спросила она.

— Я собирался спросить, можно ли присоединиться.

В подземном проходе пахло известью, тиной и горячим маслом. Арден показывал им на карте семь участков давления. На двух механизмы были давно заменены корневыми креплениями; на третьем железный страховочный замок сняли как ненужный. Вода держалась ровно только потому, что сеть клятв сохраняла нагрузку постоянной.

— Если завтра приказать всем забыть клятвы, дома останутся без воды, — сказал Арден. — Я не оправдываю это. Я объясняю, почему мы не можем просто сломать всё разом.

Мира присела рядом с открытым водомерным люком. Белые корни тянулись вдоль стены и пульсировали в такт проходящей воде. Когда Элиан приблизился, одна нить потянулась к нему, но не обвила запястье. Он задержал руку над ней и посмотрел на Миру.

— Можно?

— Только если вы готовы отойти, как только она изменит цвет.

Белая нить шевельнулась и коснулась воздуха между его пальцами. Серебряная метка на шее побледнела. Мира ощутила под ногами движение огромной, уходящей вглубь системы. Затем в соседнем помещении резко ударил колокол тревоги.

— Избыточное давление! — крикнула Инга. — Отойти от стены!

Рабочие бросились к рычагам. Элиан открыл рот — Мира увидела, что он едва не произнёс привычное слово, которому подчинятся люди с печатями. Вместо этого он спросил у Инги, какая помощь ей нужна. Та указала на ящик с цепями.

— Перенесите их к второму затвору, если можете!

Он подхватил ящик вместе с рабочим. Мира держала фонарь, пока Арден вставлял цепь в старый паз. Рука одного из мастеров соскользнула; ему помогли встать, не требуя продолжить работу. Через четверть часа давление снизилось. Их спас не голос Элиана, а железо, которое почти успели выбросить.

Они сидели потом на ступенях мастерской, мокрые и измученные. Инга раздавала чай в жестяных кружках.

— Вы думали, что будет, если королевская сеть однажды замолчит? — спросила Мира.

— Каждый день, — ответила Инга. — Поэтому я храню старые чертежи. Они дороже любой праздничной речи.

Арден показал ей план старого резервуара. Вода могла идти по нему без корневой связи, но канал был засорён, а объём хватил бы лишь на небольшую часть города. Схему нужно было проверять, прежде чем обещать её жителям.

— Значит, у нас есть начало, — сказала Мира.

— Начало работы, — поправила Инга. — Не решение.

На обратном пути Элиан заметил у северной стены маленькое отверстие, которого не было на дворцовом чертеже. В глубине блестел влажный белый побег. Орен, увидев находку, побледнел и признался, что после пожара сам помогал закладывать этот проход камнем.

— Я думал, так никто не погибнет снова, — сказал он.

— Что там за стеной? — спросила Мира.

— Старая комната свидетельств. Лисса попросила оставить в ней свободную ветвь, если случится беда. Я не выполнил просьбу до конца.

Они не стали сразу разбирать кладку. Инга предупредила, что за ней может проходить действующая водяная линия. Арден нарисовал безопасную последовательность осмотра, а Элиан пообещал не приближаться к открытой корневой связи без согласованного плана. Мира записала слова каждого и повесила на входе предупреждение для работников.

Уже ночью, когда сад затих, она снова пришла к чёрному цветку. Лепестки были закрыты, но рядом с ними проступила тонкая белая линия, уходившая к найденному проходу. Мира хотела коснуться её и услышать ещё раз голос матери. Вместо этого она положила ладонь на холодный камень рядом: живое свидетельство не должно было отвечать ей по требованию.

Завтра она пойдёт к Нерину, решила Мира, и снова попросит документы о Лиссе. Без вопросов, которые заставили бы старика причинить себе боль. А потом вернётся к стене и вместе с мастерами проверит, что можно открыть, не подвергая город опасности.

Она не знала, кто из дворца уже следит за её работой. Знала только, что последние двенадцать лет её учили бояться неверно произнесённой клятвы. Теперь она начинала бояться другого: того, что молчание превратилось в привычку, которую никто не решается нарушить.

Глава 7. Двенадцать лет молчания

Утром Мира обнаружила в кармане плаща письмо, которого не было там накануне.

Конверт был сложен из дешёвой серой бумаги. Ни печати, ни имени отправителя — только её собственное имя, написанное мелким, чуть наклонённым почерком Нерина Холта.

Она прочла записку стоя, возле умывальника, пока в комнате остывал чай.

«Мира, сегодня после заката зайди ко мне домой. Нам нужно поговорить о твоей матери».

Больше ничего.

Мира прочла строки ещё раз, словно их значение могло измениться. Нерин никогда не приглашал её домой обсуждать Лиссу. Даже в дни, когда годовщина пожара превращала семейный ужин в долгое молчание, архивист заходил ненадолго, приносил цветы и говорил о погоде. Теперь же он сам предлагал разговор.

Она поднесла бумагу к свету. Ни корневого узора, ни признаков закреплённой клятвы. Обычная записка. От этого она казалась страшнее.

В дверь постучали.

— Мира? — раздался голос Тави. — Мастер Орен просил передать, что северный сектор снова закрыли.

Она сложила письмо.

— Кто закрыл?

— Дворцовая стража. Там стоят новые щиты. И какой-то господин переписывает названия растений.

— С каких пор стражники разбираются в ботанике?

— По-моему, не разбираются. Он назвал пепельную лилию болотным чесноком.

Несмотря ни на что, Мира усмехнулась.

— За такую ошибку его следует держать подальше от теплиц. Я сейчас спущусь.

Тави не уходил.

— Ты выглядишь так, будто не спала.

— Я не очень хорошо спала.

— Из-за господина Роэна?

— Из-за государственных тайн, — ответила она. — Но если тебе хочется выбрать причину попроще, можешь считать виноватым его.

Мальчик пожал плечами и вышел. Мира спрятала записку во внутренний карман, туда, где носила нож для прививок. Весь день она собиралась держать её при себе.

⁂

Во дворце Элиана ожидали ровно в полдень.

Малый зал Совета не имел ничего общего с залом свидетельств. Здесь не было корневых стержней и каменных кругов. Тяжёлый стол, три окна, часы с позолоченным маятником. Селда Аркен сидела во главе стола; по правую руку от неё находился магистр Велан.

Элиан заметил, что тот избегает смотреть ему в глаза.

— Господин Роэн, — сказала регент. — До меня дошли сведения о вашем участии в работе северных шлюзов.

— Да. Водные мастера устраняли опасное повышение давления. Я присутствовал при ремонте.

— Вы не инженер.

— Поэтому я не прикасался к механизмам.

Велан шевельнулся.

— Но вы повлияли на корневую связь.

Элиан повернул голову.

— Если у вас есть измерения, подтверждающие это, мне было бы полезно их увидеть.

— Вы прекрасно знаете, что произошло в зале свидетельств, — резко ответил магистр.

— Я знаю, что вы пытались провести процедуру без согласованного протокола. Это не то же самое.

Селда подняла ладонь. Велан замолчал.

— Сейчас нас интересует безопасность Лиара, — сказала она. — За несколько недель до церемонии сеть ведёт себя непредсказуемо. Вы, господин Роэн, можете оказаться частью решения.

— Или частью проблемы.

— Именно поэтому вам следует сотрудничать.

Элиан посмотрел на регента. На её лице не было ненависти. В этом и заключалась опасность: она говорила о людях как о деталях сложной машины, которую требовалось починить.

— Я готов делиться наблюдениями, — сказал он. — Но не стану произносить формулы, последствия которых мне не объяснили.

Селда сложила руки.

— Вы ставите личный страх выше благополучия восьми тысяч семей?

— Нет. Именно из-за этих семей я не хочу запускать неиспытанную связь.

На часах щёлкнул механизм. Маятник продолжал равнодушно отсчитывать секунды.

— Вы близки с хранительницей Вейл? — неожиданно спросила регент.

Элиан не изменил позы.

— Мы работаем над одним вопросом.

— Она убеждена, что её мать была несправедливо обвинена. Личные чувства иногда мешают учёным.

— Иногда они заставляют внимательнее проверять свидетельства.

Селда слегка улыбнулась.

— Надеюсь, вы не дадите её горю повлиять на вашу службу.

— Я не обсуждаю с вами её горе.

Велан поднял голову. Регент несколько мгновений молчала.

— Очень хорошо, — произнесла она наконец. — Тогда завтра вы получите письменный перечень допустимых процедур. До тех пор прошу не посещать нижние каналы без согласования с водными мастерами.

— Вчера я находился там по приглашению их руководительницы.

— Значит, в следующий раз это не составит труда.

Аудиенция закончилась без угроз. Именно это беспокоило Элиана больше всего.

⁂

В саду Мира провела почти два часа возле северной стены и не узнала о чёрной лозе ничего нового. Она не выросла ни на волосок. Напротив, на одном из бутонов проступило бледное пятно, словно растение истратило силы, пытаясь добраться до подземных шлюзов.

Орен стоял рядом с журналом измерений.

— Ты снова смотришь на неё как на больного человека, — сказал он.

— У растений тоже бывают болезни.

— Но ты ищешь не болезнь.

Мира не ответила. После вчерашнего разговора со стариком между ними сохранялась неловкость. Она всё ещё злилась из-за его молчания, но уже понимала, что злость не объяснит прошлое.

— Мать просила вас охранять эту стену, — сказала она. — Вы выполнили обещание.

Орен закрыл журнал.

— Не во всём.

— Что это значит?

— После пожара я позволил замуровать старый проход. Думал, так будет безопаснее. Если бы знал, что там осталось…

Он не договорил.

Мира посмотрела на сетку новых трещин в кладке.

— Вы не знали. А теперь мы нашли вход.

— Это не освобождает меня от ошибки.

— Нет, — сказала она. — Но, возможно, позволяет её исправить.

Орен поднял глаза. Затем медленно кивнул.

— Кое-кто приходил утром, пока тебя не было. Спрашивал, можно ли срезать один бутон и пересадить в закрытый сосуд.

— Кто?

— Писарь из отдела Велана. Я отказал.

— Спасибо.

— Не благодари. Я просто не хочу хоронить ещё одного хранителя.

Мира ощутила, как эти слова отозвались под рёбрами. Она коснулась его плеча, очень легко, и направилась к кабинету.

На пороге её ожидал Элиан.

— Регент не спросила, что вы нашли? — сразу спросила Мира.

— Спросила, насколько мы близки.

Мира остановилась.

— И что вы ответили?

— Что работаем над одним вопросом.

— Как дипломатично.

— Мне платят за это.

Его улыбка быстро исчезла.

— Она пытается понять, что нас связывает. Будьте осторожны с тем, кому доверяете документы.

Мира коснулась кармана с запиской Нерина.

— Сегодня вечером у меня встреча.

— С кем?

— С человеком, который слишком долго молчал.

Элиан помедлил.

— Вы хотите, чтобы я пошёл с вами?

Мира посмотрела на него. Несколько дней назад она отказалась бы без раздумий. Теперь её удерживало не недоверие к нему, а страх принести опасность к двери Нерина.

— До дома дойдём вместе, — сказала она. — Но внутрь я войду одна.

— Хорошо.

Он не потребовал объяснения. И она впервые поймала себя на том, что его согласие приносит облегчение, а не раздражение.

⁂

Дом Нерина стоял в старом квартале переплётчиков. Узкий фасад, потемневшая дверь, два окна над вывеской мастерской, давно закрытой. В дождливые дни улица пахла мокрой бумагой и кожей.

Когда они подошли, небо ещё сохраняло узкую оранжевую полосу над крышами.

— Я подожду у моста, — сказал Элиан.

— Не нужно. Это может занять много времени.

— Тогда я пройдусь по кварталу. Если вы захотите поговорить после встречи, меня легко будет найти возле пекарни на углу.

Мира посмотрела на его серьёзное лицо.

— Вы умеете оставлять людям выход.

— Учусь.

Она поднялась на крыльцо. Дверь была не заперта.

— Нерин?

Ответа не последовало.

Внутри пахло холодным чаем. На крючке у входа висел архивистский плащ, под ним стояли мокрые ботинки. Из кабинета пробивалась полоска лампового света.

— Нерин, это я.

Мира вошла.

Архивист сидел за столом. Голова его была опущена, правая рука лежала на раскрытой книге, а левая — на коленях. Кожа запястья выглядела воспалённой.

— Нерин!

Он вздрогнул и поднял голову.

— Пришла, — произнёс он так тихо, что она едва услышала.

Мира подбежала к нему.

— Что случилось?

— Пытался написать тебе. Несколько раз.

На столе лежали смятые листы. На одном виднелось только имя Лиссы; другая бумага была исполосована красными следами, будто чернила смешались с кровью.

— Клятва? — спросила Мира.

Он кивнул.

— Не задавай прямых вопросов. Я уже понял, что не выдержу ещё одного предупреждения.

Она принесла воды, помогла ему сделать несколько глотков и усадила удобнее. Рука у него дрожала.

— Я позову лекаря.

— Он приходил. Сказал, что ожог магический. Ничего не сделает, пока я сам не перестану провоцировать печать.

— Тогда перестань.

Нерин криво улыбнулся.

— Ты говоришь точно как мать.

Мира села напротив.

— В записке было сказано, что нам нужно поговорить о ней.

— Да. Но я ошибся, когда думал, что сумею рассказать.

Он показал на металлическую коробку на столе.

— Это мои личные вещи. Я не предлагаю тебе их искать. И не могу направить тебя к тому, что запрещено моей клятвой.

Мира взглянула на коробку и тут же отвернулась. Важна была граница, которую он обозначил: он не просил её обойти магию ради него.

— Я не стану вынуждать тебя, — сказала она.

Нерин закрыл глаза. По его лицу прошла гримаса облегчения и горечи одновременно.

— Я хотел другого, Мира. Хотел, чтобы ты знала: все эти годы я боялся не разоблачения. Я боялся, что правда сделает тебя мишенью.

Она вспомнила вчерашнюю находку в каталоге и отсутствие страницы.

— Она уже сделала, — ответила Мира.

С улицы донёсся звук разбитого стекла.

Оба повернули головы.

В следующую секунду в дальнем окне разлетелась рама, и на ковёр упал небольшой камень, завернутый в белую ткань.

Мира вскочила.

Нерин побледнел.

Она подняла свёрток. К камню была привязана узкая полоска бумаги.

«Передайте седьмую страницу до полуночи. Иначе архивист не доживёт до утра».

Мира медленно подняла глаза.

Нерин сидел неподвижно. Он не спрашивал, о какой странице речь.

И именно это выдало больше, чем любые слова.

⁂

Элиан услышал звон стекла с противоположной стороны улицы.

Он уже шагнул к дому, когда заметил человека, бегущего вдоль глухой стены. Тёмный плащ, плотная шапка, лицо скрыто воротником. Незнакомец двигался быстро, но неуверенно, будто не знал квартала.

Элиан мог крикнуть: «Стой».

Он даже почувствовал, как привычный приказ поднимается к горлу.

Вместо этого побежал следом.

На углу беглец столкнулся с торговой тележкой. Ящик с яблоками опрокинулся, плоды покатились по мостовой. Мужчина перепрыгнул через них и исчез в проулке, ведущем к реке.

Элиан остановился возле мальчишки-продавца, который пытался собрать товар.

— Вы не ушиблись?

— Нет. Но всё испортил!

— Деньги за яблоки я оставлю вам, — сказал Элиан, положив монеты на край тележки. — Вы видели лицо того человека?

Мальчик покачал головой.

— Только руку. На ней был серый шнур. Как у служащих в архиве.

Элиан посмотрел в тёмный проулок. Преследовать дальше означало оставить Миру одну с возможной угрозой. Он вернулся к дому.

Она открыла дверь раньше, чем он постучал.

— Нам угрожают, — сказала она.

Он увидел бумажную полоску в её руке.

— Нерин жив?

— Да. Но его клятва снова обожгла руку.

Элиан вошёл только после её кивка. Архивист сидел за столом, стараясь выглядеть спокойным, хотя лицо у него было серым.

Мира протянула записку.

Элиан прочёл её, затем посмотрел на Нерина.

— Угроза конкретна. Кто-то уверен, что страница у вас.

Нерин не ответил.

— И мы не будем заставлять вас это подтверждать, — добавил Элиан.

Мира закрыла разбитое окно тяжёлой ставней. За стеклом уже не было никого.

— Что будем делать? — спросила она.

Элиан положил записку на стол.

— Сначала обеспечим Нерину безопасное место. Можно обратиться к Инге: у водных мастеров есть помещения, куда дворцовая стража не заходит без официального основания.

— Я не уйду из собственного дома, — возразил архивист.

— Имеете право остаться, — ответил Элиан. — Но у тех, кто бросил камень, уже есть ваш адрес. Подумайте, где безопаснее провести эту ночь.

Нерин посмотрел на Миру.

— А ты?

— Я помогу тебе собраться.

Он долго молчал. Затем кивнул.

Пока Мира доставала из шкафа сухую одежду, Элиан осмотрел записку при свете лампы. Бумага была из обычной дворцовой канцелярской партии; это ничего не доказывало. Зато на обороте сохранился след узкого тиснения — половина водяного знака поставщика архивных книг.

— Мира, — позвал он. — Возможно, человек, бросивший камень, получил бумагу в самом архиве.

Она подошла.

— Значит, кто-то следит за Нерином изнутри.

— Или имеет доступ к его расходным материалам. Это ещё не одно и то же.

Она коротко кивнула. Даже сейчас Элиан не позволял удобному объяснению превращаться в доказательство.

Нерин поднялся с трудом. Его пальцы дрожали, когда он застёгивал жилет.

— Я столько лет думал, что молчание убережёт вас, — сказал он Мире. — А теперь всё, что я берег, стало причиной опасности.

Мира придержала его за локоть.

— Не решай сегодня, за что ты виноват. Сначала выйдем отсюда.

Она погасила лампу. В комнате остался слабый свет от улицы, полосой легший на стол.

Мира увидела незакрытую металлическую коробку Нерина. Он сам подошёл к ней, закрыл крышку и убрал в карман сюртука. Она не стала смотреть внутрь.

У двери Элиан остановился.

— Вы оба можете идти через задний двор. Я выйду первым и проверю улицу.

— Не нужно рисковать в одиночку, — сказала Мира.

Он посмотрел на неё.

— Я не собираюсь. Я вернусь и скажу, что увидел.

Он ушёл без обещаний, которые могли бы превратиться в цепь.

Мира смотрела ему вслед и вдруг почувствовала, как сильно ей хочется поверить, что он действительно вернётся.

Через минуту за дверью послышались его шаги.

— Улица свободна, — сказал Элиан. — По крайней мере, сейчас.

Мира помогла Нерину надеть плащ. Вместе они вышли из дома, оставив за собой тёмный кабинет, разбитое окно и вопросы, на которые всё ещё не было ответов.

У моста вода текла спокойно. Где-то под камнями работали старые корни, поддерживая город, который ничего о них не знал.

Нерин остановился посреди перехода и посмотрел на Миру.

— Есть одно, чего я могу сказать, не нарушая клятвы.

Она замерла.

— Что?

— Не путай документ с истиной. Даже если найдёшь седьмую страницу, тебе придётся выяснить, кто её написал, для кого и что случилось после.

Его запястье осталось спокойным.

Мира запомнила каждое слово.

За спиной раздались шаги ночного патруля. Элиан чуть сместился в сторону, освобождая проход, и никто их не остановил.

Они пошли к мастерским водных мастеров. Впервые Мира ясно поняла, что искать правду придётся не только в запечатанных комнатах и старых книгах. Она находилась также в поступках живых людей — в страхе Нерина, сдержанности Элиана, ошибках Орена и чужой готовности причинить вред ради одного листа бумаги.

Седьмая страница существовала.

Кто-то был готов убить за неё.
А значит, прошлое ещё не закончило свою работу.

Глава 8. Непроизнесённая просьба

В мастерских водных мастеров пахло мокрой шерстью, горячим железом и хлебом, который кто-то оставил на краю печи слишком надолго.

Нерин Холт сидел на узкой скамье в комнате для отдыха, держа ладони между коленями. На больном запястье лежала чистая влажная повязка. Инга Мор сняла с крючка запасной плащ и положила ему на плечи, не задав ни одного вопроса о том, почему известный архивист явился к ней после полуночи в сопровождении хранительницы королевского сада и дипломата Пограничного совета.

— У нас две свободные койки, — сказала она Мире. — Третью можно устроить в чертёжной, если убрать со стола инструменты.

— Одной будет достаточно. Нерин останется здесь. Я вернусь в сад.

Инга посмотрела на разбитые стеклянные пластины, которые Мира держала в ладони: одна поцарапалась, когда они помогали архивисту перелезть через высокий порог мастерской.

— А ты всю ночь будешь геройствовать?

— Я работаю с растениями. Обычно они не требуют героизма.

— Ты ещё не встречала моих мастеров после выплаты жалованья.

Из угла донёсся кашель Нерина — то ли от дыма, то ли от попытки сдержать улыбку. Мира впервые за вечер почувствовала, что её плечи немного расслабились.

Элиан стоял у двери. Он внимательно следил за коридором, но, когда Инга предложила ему сесть, ответил обычным вопросом:

— Не помешаю, если останусь здесь ещё на несколько минут?

— Если не будешь командовать моими людьми, можешь остаться хоть до утра, — буркнула Инга.

Он не улыбнулся. Мира заметила, что её случайная фраза попала в болезненное место. Инга заметила тоже.

— Я не знала, — коротко сказала она.

— Вы ничего плохого не сказали, — ответил Элиан.

Мира положила перед Нерином чашку тёплой воды.

— Ты можешь сегодня ни о чём не говорить. И никуда не ходить.

— Ты говоришь точно как мать, когда пыталась запретить мне работать по ночам, — заметил архивист.

— Получалось?

— Ни разу.

Он поднял взгляд. Мира увидела в нём усталость, но и что-то новое: вместо привычного уклонения — готовность быть рядом, даже если не удастся рассказать правду.

— Коробка у тебя? — спросила она.

Нерин машинально коснулся кармана сюртука. На мгновение в его лице мелькнул испуг.

— При мне.

— Не показывай её никому. Я не хочу знать, что внутри, если это причинит тебе боль.

Он кивнул. Открыл рот, словно собирался возразить, и закрыл. Красная линия под повязкой оставалась неподвижной.

Инга провела их к чертёжному столу. Там, прижатая железным грузом, лежала большая карта водных каналов. Красным мелом были обведены два резервных входа и маленький шлюз возле архивного квартала.

— У меня тоже кое-что произошло, — сказала она. — Кто-то приходил к ночному смотрителю и спрашивал, открывается ли этот шлюз изнутри. Назвался служащим дворца, документов не предъявил.

Мира взглянула на Элиана.

— Архивный квартал.

— В котором только что разбили окно, — подтвердил он.

— Человек ушёл до того, как смена успела позвать меня, — продолжала Инга. — Но смотритель запомнил серый плетёный шнур у него на руке.

У Миры похолодели пальцы.

— У того, кто бросил камень, тоже был такой шнур.

— И у половины разносчиков документов, — заметил Элиан. — Пока это не доказательство, что приходил один человек.

Инга скрестила руки.

— Зато повод запереть шлюз. Мы уже поставили двух людей. По собственному решению, между прочим.

Мира посмотрела на карту. Маленький канал соединял архивную улицу с мастерскими, а затем уходил к северным дворцовым основаниям. Это мог быть путь отступления для нападавшего. Или просто короткая дорога, известная каждому городскому служащему. Мира не собиралась превращать догадку в истину только потому, что та объясняла слишком многое.

— Утром попрошу Нерина описать всё, что он может без нарушения клятвы, — сказала она. — Сейчас ему нужен покой.

— И тебе, — ответила Инга.

Мира хотела спорить, но Элиан, до сих пор стоявший молча, сказал:

— Она права. До рассвета в саду всё равно будут патрули. Можем вернуться, когда начнётся обычная смена.

Мира заметила не само предложение, а слово «можем». Он не решал за неё.

— Я останусь до рассвета, — сказала она. — Но не в койке. Мне нужно проверить записи.

Инга вскинула руки.

— Трое взрослых, и ни одного разумного.

⁂

Тави ждал в саду возле восточного павильона и очень старался выглядеть так, будто не ждал никого.

Он сидел на перевёрнутом ящике с журналом на коленях. Когда Мира и Элиан вошли в калитку после утренней смены караула, мальчик поспешно раскрыл журнал на случайной странице.

— Я проверял ночную влажность, — объявил он.

— С помощью книги о болезнях корней? — спросила Мира.

Тави опустил глаза. Страница была перевёрнута вверх ногами.

— Она помогает думать.

Мира устало улыбнулась, но заметила, что его пальцы дрожат. На столике рядом с ящиком стояла нетронутая кружка холодного молока.

— Ты не спал?

— Немного спал.

— Сколько?

— Не считал.

Она присела перед ним.

— Нерин в безопасном месте. Ему помогают люди Инги. Никто из нас не ранен.

Тави опустил журнал.

— Я видел стражников у твоего дома. Потом их стало больше. А один человек спросил меня, кто закрывает северную решётку.

Элиан подошёл, но остановился в стороне.

— Как он выглядел? — спросила Мира.

— Не знаю. На нём был капюшон. Он сказал, что работает в канцелярии.

— Ты ответил?

Тави стал совсем бледным.

— Сказал, что решётку закрывает мастер Орен. Я не говорил про тебя и господина Роэна. Правда.

Мира почувствовала, как внутри разливается тревога. Мальчик не раскрыл их ночной маршрут, но подсказал незнакомцу, к кому обращаться. Он был напуган, и последнее, что ему требовалось, — обвинение.

— Ты правильно сделал, что рассказал нам, — сказала она. — В следующий раз, если кто-то просит служебные сведения, направляй его ко мне. Ничего не нужно выдумывать.

— Ты сердишься?

— На человека, который расспрашивал тебя, — да. На тебя — нет.

Тави потёр нос рукавом.

— Я хотел помочь.

— Знаю.

Элиан слегка присел, чтобы не нависать над мальчиком.

— Ты помнишь, на какой руке он носил канцелярский шнур?

— На левой. Серый, с красным узелком.

— Благодарю. Это полезнее, чем кажется.

Тави оживился.

— У вас есть способ узнать, кто это?

— Пока нет, — ответил Элиан. — Но мы можем проверить, кому выдают такие шнуры. И только по правилам, без расспросов, которые подвергнут тебя опасности.

Мира заметила, что мальчик стал дышать ровнее. Не потому, что Элиан обещал решить проблему, а потому, что не стал требовать от него смелости, которой тот сейчас не чувствовал.

— Сегодня ты останешься в павильоне с Ореном, — сказала Мира. — Там много работы с рассадой.

— Но северная стена…

— Под моей ответственностью.

Тави открыл рот, чтобы возразить, но она добавила:

— И это не наказание. Мне действительно нужна твоя помощь с рассадой.

Он кивнул и поспешил к инструментам.

Когда мальчик скрылся, Элиан тихо произнёс:

— Он боится, что вы не вернётесь.

Мира посмотрела на пустую дорожку.

— Я знаю.

— Он не говорит об этом прямо.

— Я тоже не слишком хорошо умею.

Элиан хотел что-то ответить, но за изгородью послышался стук упавшей корзины, и они оба обернулись.

⁂

Тави лежал на земле возле деревянной стойки, уронив ладони на колени. Над ним наклонился незнакомый мужчина в сером плаще. Тот держал мальчика за плечо и пытался развернуть к себе лицом.

— Я задал простой вопрос, — раздражённо говорил мужчина. — Кто ходил в северный канал ночью?

— Не знаю, — выдавил Тави.

Мира бросилась к ним.

— Отпустите его!

Мужчина обернулся. Под его плащом виднелся короткий служебный камзол без знаков дворцовой стражи. На левом запястье — серый шнур с красным узелком.

— Госпожа Вейл, — произнёс он. — Я выполняю поручение канцелярии.

— Тогда предъявите удостоверение.

Он отпустил Тави, но не отступил.

— Подробности поручения закрыты.

— А сад открыт для нападений на учеников?

Мужчина нахмурился.

— Никто на него не нападал.

Тави попытался подняться и поморщился: нога застряла между сломанными планками ящика. Пока незнакомец дёргал его, мальчик неудачно подвернул лодыжку.

Элиан подошёл ближе. Он увидел, что мужчина собирается снова схватить Тави за плечо, и ощутил знакомое мгновенное желание остановить это одним словом. «Не трогай» уже почти оформилось у него на языке.

Он не произнёс его.

— Вам не требуется касаться мальчика, чтобы задать вопрос, — сказал Элиан ровно. — Я могу увидеть ваше письменное поручение?

Мужчина перевёл взгляд на знак Пограничного совета.

— Вы не имеете отношения к внутреннему расследованию.

— Возможно. Но здесь есть пострадавший. Нам нужно помочь ему.

— Он не пострадал.

Тави тихо застонал.

Мира уже опустилась рядом и осторожно отодвинула сломанную доску. Лодыжка быстро опухала.

— Тави, можешь пошевелить пальцами?

— Да. Но больно.

— Не наступай на ногу.

Мужчина сделал шаг к ним.

— Мне нужно закончить опрос.

Элиан встал между ним и мальчиком. Ни угрозы, ни прикосновения — только собственное тело на пути.

— Позже. При свидетеле и с разрешением ответственного хранителя.

— С дороги, — бросил незнакомец.

Элиан ощутил, как серебряная метка под воротником отозвалась слабым жаром. Он мог бы потребовать назвать имя, показать приказ, уйти. Если человек был связан служебной клятвой, прямой приказ мог сработать. Но Элиан не собирался превращать подозрение в право распоряжаться чужой волей.

— Я не препятствую вашей работе, — сказал он. — Я препятствую тому, чтобы вы снова схватили раненого подростка.

Незнакомец огляделся. На дорожке уже появились Орен и двое садовников. Увидев свидетелей, мужчина выпрямился.

— Я доложу о вашем вмешательстве.

— Это ваше решение, — ответил Элиан.

Мужчина поспешил прочь.

Мира проследила за ним взглядом, но не стала бросаться следом. Тави дрожал от боли, и сейчас он был важнее любого шнура на чужой руке.

Орен опустился рядом, проверил положение стопы и велел принести носилки из лечебного шкафчика. Мира поддерживала Тави за спину, пока садовники осторожно переносили его.

— Я сказал, что ничего не знаю, — шептал мальчик. — Он не поверил.

— Я слышала, — ответила она. — Ты не обязан был ему ничего доказывать.

Тави посмотрел на Элиана.

— Почему вы не остановили его? Вы же можете…

Он не закончил.

Элиан присел рядом с носилками.

— Я остановил его, — сказал он. — Просто не тем способом, о котором ты думаешь.

— А если бы он не ушёл?

Элиан посмотрел на распухшую лодыжку, потом на Миру.

— Тогда нам пришлось бы защищать тебя иначе. Я не могу обещать, что никогда не ошибусь. Но знаю, как легко лишить человека выбора. Поэтому ищу другой способ, пока он существует.

Тави долго смотрел на него.

— Значит, вы не трус?

Мира чуть не задохнулась от неожиданности. Орен шумно втянул воздух.

Элиан ответил не сразу.

— Боюсь многого. Это не всегда мешает действовать.

Тави кивнул, словно услышал вполне удовлетворительное объяснение.

⁂

В дворцовой лечебнице лекарь ощупал лодыжку, проверил движения пальцев и велел Тави несколько дней не наступать на ногу. Перелома при осмотре он не обнаружил, однако предупредил: если боль и отёк не уменьшатся, потребуется повторная проверка.

Мальчик возмутился отсутствию работы сильнее, чем боли.

— Я могу хотя бы сортировать семена!

— Сидя, — ответила Мира.

— И записывать измерения?

— Сидя.

— А если кто-то принесёт мне журнал?

— Тави, попробуй хоть час не руководить садом.

Когда Орен увёл его в служебную комнату с мягким креслом и видом на рассаду, Мира осталась в коридоре рядом с Элианом.

На его пальцах виднелись белые следы от того, как сильно он сжимал собственную ладонь.

— Вам было трудно, — сказала она.

— Да.

— Вы едва сдержались.

— Да.

— Я не осуждаю вас за это.

Элиан прислонился к холодной стене.

— Иногда я думаю, что человек, который может остановить жестокость мгновенно, обязан это сделать. А затем вспоминаю Дарена. Его сломанные пальцы. Его лицо, когда он понял, что не управлял собственными руками.

Мира опустила взгляд.

— Но сегодня Тави мог пострадать сильнее.

— Именно.

В его голосе не было оправдания. Только признание трудного выбора.

— Существует момент, — продолжил он, — когда бездействие тоже становится поступком. Я не всегда знаю, где эта граница. Сегодня мне удалось защитить мальчика без приказа. В другой раз может не удаться.

Мира повернулась к нему.

— Тогда мы будем искать способы заранее. Чтобы вам не приходилось выбирать между чужой болью и чужой свободой в последнюю секунду.

Он посмотрел на неё долгим внимательным взглядом.

— Вы говорите «мы».

— Кажется, я переняла вашу дурную привычку.

Элиан едва заметно улыбнулся.

— Она не самая плохая из моих привычек.

Они вышли в небольшой внутренний двор, где под навесом сохли лекарственные травы. Дождя не было. Солнечный свет падал между высокими стенами узким прямоугольником, и казалось, что город на время перестал шуметь.

Мира опёрлась о перила.

— Когда я была маленькой, мама заставляла меня выписывать в тетрадь все обещания, которые я давала за день. Не клятвы, просто слова. «Верну книгу». «Помогу накрыть на стол». «Не забуду про сад».

— Необычный способ воспитания.

— Я её ненавидела. Особенно когда забывала вернуть книгу и приходилось записывать, кому именно солгала.

Элиан слушал, не перебивая.

— Однажды я спросила, почему обещания вообще имеют значение, если никто не может меня наказать. Мама ответила: «Потому что другой человек устроил свой день так, будто тебе можно верить».

Мира осторожно улыбнулась воспоминанию.

— Тогда я решила, что это ужасно несправедливо. Разве можно отвечать ещё и за чужие планы?

— А сейчас?

— Сейчас думаю, она хотела, чтобы я замечала последствия. Но не отказывалась от слова только из страха нарушить его.

Элиан посмотрел на солнечный прямоугольник у их ног.

— Она, кажется, понимала разницу, которую многие здесь забыли.

Мира повернулась к нему.

— И именно за эту разницу её, возможно, убили.

Он не попытался утешить её красивыми словами.

— Мы ещё не знаем, кто несёт ответственность, — тихо сказал он. — Но знаем, что за вопросы нужно задать.

Мира кивнула.

— Начнём с человека со шнуром.

⁂

К вечеру стало известно, что серые шнуры с красным узелком выдавались не всем архивным служащим. Их носили временные переписчики, допущенные к перемещению запечатанных коробок между дворцом и городским архивом. По словам заведующей хозяйственной кладовой, за последние две недели таких шнуров выдали девять. Один не вернулся.

— Именной журнал? — спросила Мира.

Женщина за стойкой недовольно поджала губы.

— Не могу выдавать без распоряжения.

Элиан положил на стойку собственное удостоверение.

— Тогда можно оформить запрос от Пограничного совета? Не требую ответа сейчас. Мне нужна запись о том, что мы обращались.

Женщина изучила печать и подвинула бланк.

— Заполните здесь.

Мира посмотрела на него с облегчением. Он и впрямь мог найти способ двигаться дальше, не заставляя людей уступать.

Но когда они вышли из кладовой, Элиан остановился у лестницы.

— Копии журнала могли уже изменить, — сказал он. — И даже если имя найдётся, это не докажет, что тот человек бросил камень.

— Знаю. Зато мы узнаем, кого спрашивать.

Внизу появился дворцовый посыльный. На этот раз он шёл к Мире открыто и держал узкий конверт с её именем.

— Госпожа Вейл? Передано из мастерских водных мастеров.

Она раскрыла бумагу. Почерк был неровным, но знакомым.

«Мира. Рука уже лучше. Не приходи одна. Н. Х.»

Мира несколько секунд смотрела на три короткие фразы. Нерин не писал, что произошло. Возможно, боялся, что записка попадёт не в те руки. Но в словах «не приходи одна» было что-то совсем не похожее на его обычную осторожность.

— Мы пойдём? — спросил Элиан.

Она подняла глаза.

— Если вы хотите.

Он чуть улыбнулся.

— Хочу.

Мира вдруг осознала, как много значил этот простой обмен. Он мог отказаться. Она могла не пригласить. Никакой печати, свидетеля или магического корня между ними не было.

Только два решения, которые совпали.

⁂

Нерин ждал их в тесной комнате при мастерской. Инга оставила на столе лампу и закрытый чайник. Внизу ещё работали механизмы, и пол едва заметно вибрировал от воды.

Архивист выглядел лучше, но при виде Миры сразу поднялся.

— Садись, — сказала она и сама тут же поморщилась. — Прости. Я хотела сказать: тебе лучше сидеть.

Нерин тихо рассмеялся.

— Вейлы никогда не умели просить мягко.

Он указал на стул напротив. Элиан сел только после приглашения.

— Я не могу говорить о документе, которого вы ищете, — начал Нерин. — И не хочу снова проверять, насколько сильна моя клятва.

— Не нужно, — сказала Мира.

— Но я могу говорить о том, что сделал сегодня. Я попросил Ингу пригласить одного человека. Того, кому твоя мать когда-то доверяла работу с водными схемами.

— Ардена Сора?

Нерин кивнул.

— Он придёт завтра. Не ко мне — в старую насосную мастерскую у южного моста. И прежде чем вы отправитесь туда, мне нужно кое-что сказать о себе.

Он взял чашку, но не отпил.

— Я всегда думал, что главное — сохранить страницу. Если она исчезнет, исчезнет и возможность доказать, что Лисса была права. Я берег бумагу так тщательно, что перестал замечать людей вокруг неё.

Мира смотрела на его больную руку.

— Кто-то знал о странице и решил, что ты её хранишь.

— Да. Но я не уверен, что человеку нужна именно правда. Иногда документ хотят получить, чтобы уничтожить. А иногда — чтобы воспользоваться тем, что в нём написано.

Элиан медленно поднял голову.

— Поэтому вы предупредили Миру не путать страницу с истиной.

— Именно.

Нерин повернулся к девушке.

— Твоя мать однажды сказала мне: «Не позволяй страху за человека превращаться в право распоряжаться им». Я думал, что запомнил её слова. Но всё эти годы поступал иначе.

Мира долго молчала. Злость на Нерина не исчезла, как не исчезли годы, которые она прожила в неведении. Однако впервые она услышала от него не оправдание, а признание.

— Мне нужно время, — сказала она.

— Я знаю.

— И я ещё буду задавать вопросы.

— Тоже знаю.

Элиан встал у окна, давая им возможность говорить без его участия. Нерин посмотрел на него, затем снова на Миру.

— Он не использовал голос, когда пришли за вами?

— Нет, — ответила она. — Сегодня он помог Тави, и опять без приказа.

Нерин закрыл глаза.

— Лисса сказала бы, что это важнее любых красивых слов.

Элиан не повернулся от окна, но Мира увидела, как напряглись его плечи.

Она подошла к нему, остановившись рядом.

— Вам не обязательно всё время оставаться сильным, — произнесла она так тихо, чтобы слышал только он.

Он посмотрел на неё.

— Я не уверен, что это мне удаётся.

— Тогда хотя бы не делайте вид, будто всё в порядке.

Элиан слабо улыбнулся.

— Попробую.

Снизу раздался шум открываемых ворот. Инга окликнула одного из мастеров. Обыкновенная жизнь продолжалась за тонкой стеной, несмотря на угрозы, корневые знаки и исчезнувшие страницы.

Мира посмотрела на Нерина. Тот закрыл глаза, опираясь на спинку кресла. Потом на Элиана — человека, который впервые за долгие годы позволил ей говорить о матери без необходимости доказывать собственную боль.

Ни один из них не мог пообещать, что завтра будет безопасно.

И, странным образом, это не делало сегодняшний вечер менее настоящим.

⁂

Позже, когда они вышли к южному мосту, город уже освещали редкие фонари. Вода шла своим обычным путём, и серебряные прожилки на стенках канала почти не различались.

— Вы говорили, что не умеете просить людей остаться, — сказала Мира.

Элиан посмотрел на неё с удивлением.

— Кажется, я не говорил этого вслух.

Она вспомнила все его осторожные вопросы, его привычку отходить на шаг раньше, чем становилось тесно, и то, как он всегда оставлял другим дорогу к выходу.

— Иногда это и не нужно.

Он некоторое время молчал.

— Если я попрошу вас остаться со мной ещё немного у моста, вы сочтёте это странным?

Мира посмотрела на медленную воду. Потом — на тёмную линию его лица, освещённую одним фонарём.

— Нет.

— Тогда… вам хотелось бы?

Она могла сказать, что поздно. Что утром предстоят дела. Что они едва знакомы и их расследование опасно для обоих.

Всё это было правдой.

Но другой правдой было то, что ей не хотелось сейчас уходить.

— Хотелось бы, — ответила Мира.

Они остались рядом, глядя на канал. Между ними сохранялось небольшое расстояние. Его хватало, чтобы ни одному не пришлось отступать, и не хватало, чтобы не чувствовать присутствия другого.

Элиан не произнёс больше ни слова.

Впервые Мира подумала, что молчание может быть не способом скрыть правду, а пространством, которое один человек добровольно оставляет другому.

На другой стороне реки часы пробили десять.

Ни одна клятва не была дана.

И всё же, когда они наконец разошлись у садовых ворот, Мира знала: утром она будет ждать его прихода.

Глава 9. Праздник верности

Утром на главной площади Лиара расставляли столы с белыми скатертями, а на воротах водных мастерских вывесили свежий приказ: в честь Праздника верности городские шлюзы должны работать без остановки до полуночи.

Инга Мор прочла распоряжение дважды. Затем оторвала нижний лист, на котором стояло требование выделить шесть дополнительных мастеров для дворцовой церемонии, и передала его Мире.

— Смотрите, — сказала она. — «Временное содействие укреплению государственного единства». В переводе с канцелярского — шесть человек без смены и без права уйти до завершения обряда.

— Сегодня ведь только праздник, — сказала Мира.

— Сегодня генеральная репетиция. Через двадцать дней им понадобится не шесть человек, а все наши руки сразу.

За стеной мастерской мерно гудели насосы. После недавнего происшествия Инга заставила людей проверять давление каждый час. Лишних работников у неё не было.

— Я могу передать возражение регенту, — предложила Мира.

— Передавайте, если хотите увидеть, как быстро она научится произносить ваше имя с сожалением. А я пойду искать людей, которым ещё можно предложить сверхурочную работу, не приказывая.

Инга ушла, тяжело ступая по доскам. Мира осталась с приказом в руке. На печати внизу листа семь линий сходились вокруг точки. Привычный знак вдруг показался ей похожим на закрытый кулак.

⁂

К полудню город преобразился. Между домами протянули ленты цвета старого золота, дети носили венки из полевой вересницы, а возле речного моста музыканты репетировали танец, которому каждый год учили школьников. В воздухе смешались запахи жареных каштанов, мокрого дерева и горячих лепёшек.

Мира не любила Праздник верности. В детстве она ждала его с нетерпением — особенно той минуты, когда хранительница сада выходила на площадь с чашей живых побегов и рассказывала детям, почему обещания нужно исполнять. Тогда этой хранительницей была её мать.

Теперь рядом с чашей стояли стражники, а истории о добровольных клятвах почти исчезли из праздничных речей.

Элиан ждал её возле книжной лавки. На нём был тёмный сюртук без служебной ленты. В руках он держал бумажный свёрток.

— Я не знал, завтракаете ли вы, — сказал он. — Поэтому купил два пирожка. Один с яблоками, другой с сыром. Если не захотите, отдам оба первому голодному человеку.

— Очень предусмотрительно. А если я захочу оба?

— Тогда мне придётся искать ещё одного торговца.

Мира взяла свёрток и, не скрывая улыбки, протянула ему пирожок с сыром.

— Вы тоже не завтракали.

— Откуда вы знаете?

— Вы смотрели на мой свёрток с большим интересом, чем на дворцовые приказы.

Он принял пирожок. Они пошли вдоль рынка, держась на расстоянии, достаточном, чтобы никто не принял их за пару. Мира заметила, что ей неприятна сама мысль о необходимости этого расстояния, и поспешила спросить о деле.

— Что вам удалось узнать о сегодняшней церемонии?

— Только порядок выступлений. Сначала городской хор, потом представители гильдий, затем речь регента. После неё всех желающих пригласят принести символическую клятву на обновлённых камнях.

— Обновлённых?

— Именно это слово меня и беспокоит.

Мира остановилась возле лотка с глиняными игрушками. За спиной продавца стоял невысокий серый постамент. Его привезли к площади на телеге, но пока прикрыли тканью. Из-под края виднелся знакомый серебряный контур.

— Раньше праздничные камни не имели связи с центральным корнем, — сказала Мира.

— Вы уверены?

— Я сама готовила их три года подряд. На них произносили слова благодарности. Никакой магической печати там не было.

Элиан посмотрел на закрытый постамент.

— Тогда сегодня людям могут предложить не символ.

— А настоящую клятву, — закончила она.

Они переглянулись. Шум площади не изменился, дети по-прежнему смеялись, торговцы зазывали покупателей. Только знакомое веселье приобрело другую окраску.

⁂

У храма городских свидетелей Мира встретила Дарена Мальта. Раненая рука стражника была подвешена на широкой перевязи, а рядом стояла молодая женщина в синем платье, заметно беременная. Она держала бумажный пакет с булочками.

Дарен увидел Элиана и насторожился. Женщина тоже заметила перемену.

— Это он? — тихо спросила она.

— Да, Лея.

Мира хотела увести Элиана, но он уже остановился. Не приближаясь, он слегка наклонил голову.

— Господин Мальт. Надеюсь, лечение помогает.

— Лекарь говорит, пальцы срастутся. Командование пока рассматривает ваше свидетельство.

— Я рад, что его приняли.

Лея смотрела на дипломата без преждевременной враждебности, но и без тепла.

— Вы понимаете, что если мужа уволят, наш ребёнок родится без положенного служащим пособия?

— Да, — ответил Элиан. — Я попросил Пограничный совет предоставить независимого представителя при рассмотрении дела. Не знаю, согласится ли дворец.

— Вы могли бы заставить их согласиться, — сказала Лея.

Дарен неловко коснулся её плеча здоровой рукой.

Элиан не отвёл взгляда.

— Мог бы. Но тогда решение не принадлежало бы им, а ваше будущее зависело бы от того, кому я в следующий раз прикажу подчиниться.

Лея помолчала и посмотрела на перевязь мужа.

— Удобно говорить о принципах, когда у вас есть деньги на еду.

Её слова ударили точнее, чем обвинение. Элиан чуть опустил голову.

— Это справедливое замечание. У меня действительно больше возможностей, чем у вас. Я не собираюсь делать вид, будто это не так.

Мира увидела, как Дарен медленно выдохнул. Лея взяла его под руку.

— Мы пойдём, — сказала она. — Нас ждёт акушерка.

Когда они ушли, Элиан долго смотрел им вслед.

— Она права, — произнёс он.

— В чём?

— Одного отказа от принуждения недостаточно. Нужно ещё сделать так, чтобы у человека был настоящий выбор.

Мира вспомнила Ингу и шесть ночных смен, которых не существовало на бумаге как наказания.

— Водные мастера сегодня могут лишиться работы, если откажутся помогать на церемонии, — сказала она.

Элиан повернулся к ней.

— Значит, речь регента стоит выслушать особенно внимательно.

⁂

За час до выступления площадь заполнилась почти целиком. В центре установили семь камней, каждый на низком деревянном возвышении. С них сняли покрывала, и Мира увидела именно то, чего боялась: вокруг центральной точки теперь были замкнуты все линии.

Она подошла к ближайшему камню, но дорогу преградил служитель в белом плаще.

— До начала обряда прикасаться запрещено.

— Я хранительница Королевского сада. Кто готовил эти печати?

— Отдел свидетельствующих связей.

— Магистр Велан?

Служитель нахмурился.

— Мне не разрешено отвечать на вопросы.

Мира отступила. На возвышении рядом стояла чаша с молодой вересницей. Растение было живым, его корни помещались в прозрачном сосуде, наполненном влажной землёй. На каждом камне лежал такой же сосуд.

— Их соединили с корнями, — сказала она Элиану, когда он подошёл. — Смотрите: тонкая серебряная проволока у основания. Она не декоративная.

Он не коснулся камня. Вместо этого посмотрел на служителя, затем на цепочку людей, выстроившихся перед возвышением.

— Если во время праздника кто-то закрепит клятву, она станет настоящей, — произнёс он.

— При условии, что человек понимает и добровольно принимает формулу, — уточнила Мира.

— А если формулу прочтут вслух только в конце?

Она не ответила. Этого было достаточно, чтобы встревожиться ещё сильнее.

Мира нашла глазами Тави. Он сидел под навесом возле садовой выставки, положив больную ногу на скамью. Орен стоял рядом и явно не позволял мальчику вставать.

Тави заметил её и помахал листком. Она подошла.

— Ты должен отдыхать.

— Я отдыхаю. Сидя. И смотрю, как они неправильно посадили вересницу.

Он показал на прозрачный сосуд.

— Видишь? У корней есть белый отросток. У всех семи. Но такие растения не должны давать белых корней от обычной праздничной почвы.

Мира присмотрелась.

Тави был прав. От каждого сосуда к камню тянулась тонкая белая ниточка, почти незаметная за серебряной проволокой.

— Ты кому-нибудь говорил?

— Только Орену. Он велел не подходить.

Мира посмотрела на старого садовника. Тот встретил её взгляд без привычной насмешки.

— За этими камнями стоит присмотреть, — сказал он. — Их принесли не из вашего питомника.

Мира почувствовала, как прежняя обида на Орена вновь отозвалась болью. Но сейчас он не уклонялся от разговора и не скрывал того, что видел.

— Спасибо, — сказала она.

Старик кивнул. Между ними всё ещё оставалось слишком много невысказанного, однако сегодня это короткое слово было честным.

⁂

Селда Аркен появилась на балконе ратуши под звон колоколов.

Толпа зашумела. Затем постепенно стихла. Регент не носила корону. На ней было тёмно-синее платье и узкая серебряная цепь с гербом Эстерваль. Она стояла неподвижно, пока последние звуки колокола не растворились над крышами.

— Жители Лиара, — начала она. — Мы празднуем не власть одного дома и не богатство наших земель. Мы празднуем то, что удерживает нас рядом, когда приходит беда: верность слову.

Мира услышала одобрительные возгласы.

Селда говорила без театральных жестов. Она рассказывала о неурожаях, о разрушенных мостах, о старых зимах, когда обещание доставить зерно могло спасти десятки семей. Во многом это было правдой. Именно поэтому Мира слушала с нарастающим беспокойством.

— Но годы меняются, — продолжила регент. — И старые способы защиты уже не всегда достаточны. Мы слишком часто видели, как общественное благо зависит от одного необдуманного отказа, от одного покинутого поста, от одного человека, решившего, что его личное право важнее жизни соседей.

На площади стало тихо.

Элиан стоял рядом с Мирой. Его лицо оставалось неподвижным, но она видела, как напряглась его рука.

— Через двадцать дней, — произнесла Селда, — в День возобновления клятв мы предложим новый Устав общей ответственности. Он распространит единый порядок обязательств на водные службы, зерновые склады, городскую защиту и все учреждения, от которых зависит благополучие наших семей.

Мира почувствовала холод.

— Сегодня, — добавила регент, — каждый желающий может первым подтвердить готовность служить общему благу. Камни свидетельства открыты.

Люди зааплодировали. Несколько представителей гильдий поднялись на возвышения. Им подали свитки.

— Добровольная готовность, — тихо повторил Элиан. — Но она ещё не назвала, от чего нельзя будет отказаться.

Мира наблюдала за первым человеком у камня: пожилым мастером хлебной гильдии. Тот положил ладонь на гладкую поверхность и начал читать подготовленные строки.

На третьем предложении белый корень под сосудом дёрнулся.

Мира резко шагнула вперёд.

— Элиан, посмотрите на камень.

Он посмотрел. Серебристая линия под ладонью мастера замкнулась вокруг центра. Растение в сосуде потускнело, будто отдало часть жизненной силы.

— Это настоящая печать, — прошептала Мира.

Соседний служитель повернулся к ним.

— Прошу соблюдать порядок.

Мира заставила себя остановиться. У них не было доказательств обмана: человек мог знать полную формулу, прежде чем выйти на площадь. Но механизм был точно не символическим.

Она достала маленькую записную книжку и стала переписывать произносимые фразы.

Обязуюсь сохранять назначенное служение до освобождения установленным порядком.

Признаю решение центрального Совета окончательным в вопросах непрерывности службы.

Мира остановила карандаш.

— Освобождение установленным порядком, — произнесла она. — Не по собственной воле.

Элиан наклонился к записи.

— И если Совет не установит порядок освобождения, обещание фактически бессрочно.

Мира подняла голову.

— Они называют это общей ответственностью, но для служащих это будет пожизненное подчинение.

Ещё один мастер положил руку на камень.

Элиан молчал. Он мог бы заставить служителя прекратить обряд, если тот был связан королевской системой. Мира видела, что эта мысль пришла ему в голову, но он не произнёс ни слова.

Вместо этого она обратилась к женщине, ожидавшей своей очереди.

— Вы читали полный текст?

Та удивлённо оглянулась.

— Нам сказали, что это клятва о доброй службе.

— Но полный текст видели?

Женщина помедлила.

— Только сейчас, на свитке.

— Тогда вы вправе прочитать его целиком прежде, чем касаться камня.

Служитель шагнул между ними.

— Госпожа Вейл, не мешайте церемонии.

— Я не мешаю. Я спрашиваю, было ли согласие осознанным.

Люди вокруг начали прислушиваться.

— Здесь всем разрешено отказаться, — твёрдо произнёс служитель.

Мира посмотрела на очередь, на гербы гильдий и на лицах людей увидела то, о чём говорила Инга: иногда отказ означал потерю хлеба.

— А что случится с теми, кто откажется? — спросила она достаточно громко, чтобы услышали стоявшие рядом.

Служитель не ответил.

⁂

Её отвели к боковой лестнице ратуши через несколько минут.

Не арестовали. Двое чиновников вежливо предложили пройти в помещение для беседы с представителем совета. Элиан пошёл следом, не дожидаясь приглашения.

В маленькой комнате с открытым окном их встретил Кайрен Дорн.

— Я просил, чтобы с вами обращались корректно, — сказал он Мире. — Но публичный спор с распорядителем не поможет.

— А молчание поможет?

Кайрен устало провёл ладонью по лицу.

— Я видел текст новой формулы лишь сегодня утром. Слишком мало времени, чтобы изучить последствия.

— Ваши стражники тоже будут её приносить? — спросил Элиан.

— Да. В День возобновления.

— Вы понимаете, что новая формулировка может сделать увольнение невозможным без разрешения Совета?

Кайрен посмотрел на него.

— Теперь понимаю.

В коридоре послышались шаги. На пороге появилась Селда Аркен. Кайрен выпрямился.

— Госпожа Вейл, — произнесла регент. — Сегодня вы позволили себе неуместное вмешательство.

— Я попросила дать людям прочитать то, что они подписывают собственной волей.

— И получили внимание толпы вместо ответов. Вы могли спровоцировать панику.

— Я могу предоставить точные вопросы письменно.

Селда ненадолго задержала взгляд на ней.

— Сделайте это. Совет ответит в установленном порядке.

Элиан стоял у окна. Регент повернулась к нему.

— Господин Роэн, ваше присутствие на сегодняшнем празднике было полезным?

— Познавательным.

— Тогда вы понимаете, почему нам необходима стабильность.

— Я понимаю, почему вам страшна нестабильность, — ответил он. — Но пока не услышал, почему постоянство службы должно отменять возможность уйти.

Селда чуть приподняла брови.

— Оттого, что вы можете уйти, господин Роэн, вода не перестанет течь. А оттого, что уйдёт мастер главного шлюза, могут погибнуть дети.

— Тогда следует готовить замену мастеру, — сказал он. — А не превращать его согласие в ловушку.

На несколько секунд в комнате стало тихо.

Селда посмотрела на Миру.

— Вижу, у вас появились общие убеждения.

— У нас появились общие вопросы, — ответила Мира.

— Вопросы бывают опасны, когда их задают в неподходящее время.

Регент повернулась к Кайрену.

— Проследите, чтобы госпожу Вейл проводили обратно в сад. Без лишнего внимания.

Затем снова взглянула на Элиана.

— А с вами, господин Роэн, я хотела бы поговорить завтра. Наедине.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

⁂

К вечеру площадь опустела наполовину. Музыканты ещё играли, дети собирали упавшие ленты, но люди у камней свидетельства теперь стояли реже. Кто-то расспрашивал служителей о словах формулы, кто-то разворачивался и уходил.

Инга ждала Миру возле канала. В руках она держала один из праздничных свитков.

— Моим мастерам раздавали это, — сказала она. — Назвали добровольным подтверждением служебной верности. Один отказался. Ему велели прийти завтра к начальству.

Мира прочла строки.

— Вы можете оспорить принуждение к клятве.

— Могу. Только мне придётся сначала доказать, что угроза увольнения — принуждение, а не «свободное решение работодателя».

Инга убрала свиток.

— Я не прошу вас обещать спасение. Мне нужны точные сведения о корнях. Если новый Устав вступит в силу, у моих людей не останется даже тех возможностей отказаться, которые есть сейчас.

Мира посмотрела на воду.

— Мы выясним, как работает старая система. Но я не стану подвергать каналы риску без вашего участия.

Инга кивнула.

— Вот это уже похоже на соглашение.

Когда она ушла, Мира заметила Элиана у перил моста. Он держал в руке промокший листок с записями, которые сделал на площади.

— Селда хочет видеть вас завтра, — сказала Мира.

— Да.

— Я могу пойти с вами.

Он покачал головой.

— Она явно рассчитывает говорить без свидетелей. Я хочу сначала услышать, что именно ей нужно.

— Это опасно.

— Да.

Мира посмотрела на него сердито.

— Вы могли бы хотя бы иногда спорить со мной о степени опасности.

Элиан улыбнулся, но быстро посерьёзнел.

— Сегодня я видел людей, которые понимали, что подписывают, и всё равно шли к камню. Если у них дома дети и долги, отсутствие магического приказа ещё не означает свободного выбора.

— Инга сказала почти то же самое.

— Значит, нам следует слушать её чаще.

Мира сложила записную книжку. В ней были зафиксированы слова новой формулы, изменения печатей и имена трёх свидетелей, согласившихся дать показания о порядке церемонии. Это были факты. Их ещё нужно было проверить, но их уже нельзя было стереть одной праздничной речью.

За мостом загорелись фонари. Возле храма раздался детский смех.

— Когда я была маленькой, — сказала Мира, — мама объясняла, что клятва существует, чтобы человек не забыл о своём выборе. Не чтобы выбор у него отнять.

Элиан смотрел на тёмную воду.

— Она была права.

— Я не знаю, какой она была на самом деле. Всё больше узнаю о ней от людей, которые молчали.

— Вы имеете право злиться на них.

Мира слабо улыбнулась.

— И всё-таки мне придётся однажды их выслушать.

Элиан повернулся к ней.

— Возможно, в этом и есть разница между свидетельством и приговором.

Они пошли по мосту. Их руки оказались рядом. Ни один не потянулся к другому, но Мира уже не старалась увеличить расстояние.

В стороне от праздничной площади в тёмном саду чёрный цветок раскрыл один лепесток. Под ним, между камнями, пробежала тонкая белая нить, направляясь к северным каналам. Никто этого не увидел.

А в дворцовой канцелярии магистр Велан положил перед регентом список из двадцати семи имён тех, кто добровольно коснулся праздничных камней.

Селда просмотрела список и отодвинула его.

— Слишком мало, — сказала она.

— После вопросов хранительницы многие отказались, — ответил Велан.

Регент закрыла папку.

— Тогда на большой церемонии мы не станем полагаться на праздничное настроение.

Она взяла другой документ. В верхней строке было написано: «Протокол голосового подтверждения общего обязательства».

— Завтра приведите ко мне Роэна, — произнесла она. — И на этот раз не предлагайте ему ничего повторять до моего прихода.

Глава 10. Первая ложь короны

Праздничные ленты ещё висели над улицами, когда на рассвете первый человек попытался отказаться от вчерашней клятвы.

Его звали Рис Таннер. Он чинил водяные колёса в нижнем городе, жил над булочной вместе с женой и двумя дочерьми и вчера прикоснулся к праздничному камню ради надбавки, обещанной участникам. Утром начальник распорядился перевести его на ночные смены до Дня возобновления. Рис сказал, что не может: младшая дочь заболела, жена одна не справится.

Начальник напомнил о формуле: «Готов предоставить свой труд для сохранения общего порядка по требованию уполномоченного лица».

Рис вспомнил, как вчера эти слова произносили со сцены, между музыкой и бесплатным хлебом. Ему говорили, что это праздничное подтверждение гражданской добросовестности, не новая трудовая повинность.

Он отказался второй раз.

К половине седьмого на каменном пороге его дома вырос куст серебристой крапивы. Никто не касался её голыми руками: между листьями двигались острые прозрачные волоски, а у каждого прохожего, останавливавшегося рядом, всплывало на языке слово «должен».

Рис сам пришёл в сад, держа шапку обеими руками.

— Я нарушил клятву, — сказал он Мире. — Но я не знал, что принёс её.

Мира не стала обещать ему оправдания. Посадила на деревянную скамью, дала воду и попросила повторить каждую фразу, которую он слышал на площади. Он отвечал сбивчиво, раздражался на самого себя и всё время озирался на ворота, за которыми его могли ждать люди мастера смены.

Когда Рис дошёл до слов об «общем порядке», она записала их дословно.

— Вы слышали объяснение последствий? — спросила Мира.

— Слышал про праздничный знак. Про то, что от добрых граждан зависит вода. А про ночные смены мне никто не сказал.

— Вам дали прочесть полный текст?

— Камень был передо мной. Текст — на табличке у него за спиной. Толпа толкала. Мне сказали, что можно идти дальше.

Он посмотрел на свои руки.

— Я плохой человек, госпожа Вейл?

Мира узнала этот вопрос. Когда-то она задавала его себе, пытаясь понять, мог ли ребёнок предательницы тоже стать предателем просто потому, что родился у неё.

— Вы человек, который согласился на одно, а теперь от него требуют другого, — сказала она. — Я пока не знаю, как это признает закон. Но вы имеете право знать, что произошло.

После его ухода Мира долго смотрела на запись. Сад отразил нарушение точно: формальная клятва была закреплена на свидетельствующем камне. Следовательно, проблема заключалась не в том, сработала ли магия, а в том, что люди понимали под её условиями.

Она знала, где искать ответ. Не в приказах регента. В первоначальном договоре.

⁂

В архиве Нерин Холт сидел напротив узкого окна и осторожно разминал пальцы левой руки. После нападения на его дом и ночи, проведённой в мастерской Инги, архивист вернулся к работе только под условием, что один из водных мастеров будет сопровождать его до дверей. Он терпеть не мог такую опеку, но ещё сильнее не любил тревожить Миру.

На столе лежала книга учёта праздничных печатей. Рядом — чистая бумага, на которой он чертил схему полок.

— Ты не должна была приходить одна, — сказал он.

— Я пришла через людный двор. У дверей стоит человек Инги. И сейчас, пожалуйста, никаких попыток выговорить запрещённые имена.

Нерин взглянул на её лицо.

— Ты похожа на мать, когда сердита.

— Все почему-то говорят это так, будто я должна извиниться.

Он хотел улыбнуться, но не сумел.

Мира положила перед ним запись показаний Риса.

— Вчерашние камни не должны были закреплять служебную повинность. Найди мне исходную формулу договора о свободном свидетельстве.

— Я не могу выдать запрещённый протокол.

— Мне нужен не протокол Велана. Мне нужен текст, который город печатал столетиями до него.

Нерин посмотрел на бумагу. Красная линия не проступила на запястье. Он медленно поднялся и повёл Миру к справочному отделу.

— Оригинала здесь нет. Но есть публичные извлечения. Их делали для приходских школ, чтобы дети знали, ради чего существует Сад.

— Мама читала мне такие слова.

— Возможно, потому и заметила подмену раньше остальных.

Нерин остановился у полки с тонкими брошюрами. Большинство было переплетено в одинаковый серый картон. На корешках значились годы правления, названия округов и номера переписчиков.

Он подал Мире два экземпляра.

— Этот отпечатан при королеве Иларе. А этот — сорок лет назад.

Мира раскрыла книги на первой странице. Оба текста начинались одинаково: с правила об обмене водой между семьёй, городом и короной. Далее шли обязательства защиты, убежища, зерна.

На седьмом положении она остановилась.

В старой брошюре было напечатано: «Ни один обет не может служить основанием для передачи чужой воли; свидетель лишь хранит сказанное добровольно».

В новой: «Воля гражданина исполняется посредством верного служения установленному порядку; свидетель подтверждает обязательность сказанного».

Мира прочла обе строки ещё раз.

— Это не сокращение.

— Нет, — ответил Нерин.

— Значение заменили противоположным.

Он отвёл глаза. Запястье оставалось спокойным: эти книги были доступны каждому, кто знал, где искать.

— Публичные брошюры не доказывают, когда изменили корневую сеть, — сказал архивист. — Но доказывают, что кому-то было важно изменить слова.

Мира перевернула старый экземпляр. Под текстом стояла печать Сада — семь линий, не смыкавшихся в центре. Рядом, на полях, маленькой рукой переписчика было сделано замечание: «Сверено со свидетелем в корневом зале».

— Со свидетелем, — повторила она.

— В старые времена свидетели не устанавливали, кто прав, — пояснил Нерин, выбирая слова с осторожностью. — Они подтверждали, какие именно слова были произнесены.

Мира вспомнила чёрный цветок и голос матери. Если растение хранило фрагмент старой клятвы, можно было проверить публичный текст не по переписанной бумаге, а по самому свидетельству.

— Ты поможешь сверить написанное с растением?

Нерин положил ладонь на обложку.

— Если это будет научным исследованием доступного свидетельства, а не поиском сведений, которые я обязан хранить в тайне, — да.

— Тогда пойдём к северной стене.

На этот раз он не попытался её остановить.

⁂

Элиан получил вызов к регенту в десять часов. В послании значилось «добровольное предварительное обсуждение»; у двери зала стояли два стражника с кольцами действующей присяги. Слово «добровольное» в таких обстоятельствах казалось ему дурной шуткой.

Селда Аркен встретила его без магистра Велана. На столе лежал единственный лист с большой незаполненной строкой.

— Вы были вчера на площади, — начала регент.

— Да.

— И видели, как жители подтверждали приверженность порядку.

— Я видел, как их убеждали прикоснуться к камням.

Селда посмотрела на него почти с сожалением.

— Вы всегда выбираете самое неблагоприятное толкование.

— Я выбираю точное.

Регент подвинула лист.

— Через девятнадцать дней нам потребуется единый голос для открытия церемонии. Вы знаете, почему именно ваш.

Элиан не коснулся документа.

— Если вы хотите, чтобы я произнёс приказ, ответ отрицательный.

— Пока я прошу вас только прочесть текст.

Он посмотрел на нижнюю часть листа. Там было написано: «Услышавшие и подтвердившие обязательство вступают в общее исполнение воли короны».

— Что значит «общее исполнение»?

— Согласованное служение.

— Что происходит с человеком, который не согласен?

— Он не должен касаться печати.

— А с тем, кто прикоснулся вчера, не зная полной формулы?

Селда помолчала.

— Есть конкретная жалоба?

— Есть повод задать вопрос.

Она медленно поднялась.

— Господин Роэн, вы слышали, как в нижнем городе менялась вода? Одного сбоя было достаточно, чтобы тысячи семей боялись остаться без питья. Я не могу позволить, чтобы каждый мастер решал во время бедствия, удобна ли ему служба.

— Вы можете построить резервные шлюзы.

— И сколько зим переживут люди, пока мы их построим?

Элиан не ответил. Вопрос был честным, хотя Селда использовала его, чтобы оправдать нечестный выбор.

— Я не прошу вас любить корону, — продолжила она. — Прошу помочь сохранить страну, в которой вы живёте.

— Тогда покажите полный протокол. С объяснением последствий и правом отказаться.

Регент положила ладонь на документ.

— Вы получите его, когда совет утвердит окончательную редакцию.

— До этого я не буду читать формулу вслух.

На лице Селды ничего не изменилось.

— Вы уже принадлежите к связи, господин Роэн. Отказ не делает вас независимым.

В том месте, где под воротником скрывалась метка, разлился тупой жар.

— Но пока я могу отказаться, — ответил он.

Он поклонился и вышел раньше, чем регент нашла следующую фразу. У порога ему пришлось остановиться, чтобы успокоить дыхание. Он не знал, возникла ли боль от её слов или от механизма, который ощущал любое приближение к центральной печати.

И впервые подумал, что эти две причины могут быть одной и той же.

⁂

К северной стене Элиан пришёл после полудня. Мира стояла перед чёрной лозой; рядом Нерин раскладывал на переносном столике брошюры. Тави держал навес над бумагами, хотя дождя не было.

— Если это попытка растить книги, — сказал Элиан, — место выбрано удачно.

— Мы проверяем свидетельство, — ответила Мира. — А вы выглядите так, будто провели время хуже нашего.

— Встречался с регентом.

Он не стал рассказывать подробности при Тави. Мира поняла и только кивнула.

Для исследования она приготовила три стеклянные пластины. Первую — для записи очертаний корней. Вторую — для проверки признаков магической клятвы. Третью, самую старую, Нерин принёс из архива: её поверхность была покрыта тонкой сеткой, позволявшей различить отголоски слов и позднейшие наслоения.

— Напомню, — сказала Мира, — что мы не пытаемся вызвать новое воспоминание. Только наблюдаем то, которое цветок сам уже показал.

— Я бы предпочёл именно так, — ответил Элиан.

Он отошёл к каменной дорожке, чтобы его метка не коснулась действия прежде времени.

Мира осторожно положила третью пластину возле раскрывающегося бутона. Нерин читал старый публичный текст, не превращая его в клятву: слова звучали как цитата из книги, без печати и без намерения обещать.

— «Ни один обет не может служить основанием для передачи чужой воли…»

Чёрный лепесток медленно раскрылся. Серебряный свет проступил вдоль жилок.

Тави перестал держать навес и вцепился в деревянную стойку.

Из сердцевины раздался голос. Не голос Миры и не голос Нерина.

Женщина говорила уверенно, хотя с каждым словом в её интонации усиливалась усталость.

— Пусть ни один человек в этом королевстве не будет лишён собственной воли ради исполнения чужой клятвы.

Мира почувствовала, как у неё подгибаются колени. Она не произнесла имени матери. Сейчас важнее было запомнить формулу полностью.

Голос продолжил:

— Свидетель хранит выбор, но не становится его хозяином. Кто принуждает к обету, тот нарушает первый долг короны.

Серебряные нити на пластине сложились в знак семи незамкнутых линий.

Нерин отступил, задевая стол бедром. Одна из брошюр упала в траву.

Потом прозвучал второй голос — мужской, сухой и отчётливый. Словно другую запись положили поверх первой.

— Поправка принята Советом. Для сохранения порядка слово «свидетельствует» следует читать как «обеспечивает исполнение».

Серебряные линии соединились вокруг центральной точки.

Чёрный цветок резко сомкнулся.

Мира осталась на коленях, глядя на пластину. Два отголоска были сохранены одним растением, но видимый переход между ними свидетельствовал о вмешательстве в сам способ закрепления клятвы.

— Вы слышали? — спросила она.

Тави кивнул. Нерин поднял упавшую брошюру, но не мог разогнуть пальцы.

Элиан подошёл на шаг ближе.

— Да. Но это ещё не говорит, кто произнёс вторую формулу и имел ли он право менять договор.

Мира посмотрела на него. Он был прав, и от этого её открытие не стало меньше.

— Зато говорит, что изменение было, — произнесла она. — Не просто ошибся переписчик. Кто-то приказал читать одно слово как другое.

Нерин наконец сел.

— В старой практике, — медленно сказал он, — свидетельства не должны были содержать распоряжений о том, как понимать прежние слова. Такое распоряжение само должно иметь основание.

— И основание должно где-то храниться, — закончила Мира.

Архивист взглянул на неё и промолчал.

Элиан смотрел на растение.

— Чёрный цветок возник из нарушенной королевской клятвы, — сказал он. — Если первая формула запрещала принуждение, значит, тот, кто превратил свидетельство в исполнение, нарушил именно её.

Мира не сразу ответила. Слова казались слишком огромными для узкой садовой дорожки.

— Первой лжи короны, — прошептала она. — Не в том, что люди перестали держать обещания. В том, что власть объявила принуждение верностью.

⁂

Они перенесли пластины в кабинет Миры. Тави запер рабочую оранжерею, Нерин записал порядок наблюдений, не касаясь сведений своей тайной клятвы, а Элиан составил отдельное показание: два голоса, последовательность знаков, время проявления. Никто не подписывал готового вывода. Они подписали лишь то, что видели и слышали.

Когда Тави ушёл за свежими чернилами, Мира осталась у стола с Элианом.

— Что предложила Селда? — спросила она.

Он рассказал про незаполненную строку, единую формулу и угрозу, прозвучавшую почти доброжелательно.

Мира молчала до тех пор, пока он не закончил.

— Она хочет, чтобы вы стали тем голосом, который закрепит новую редакцию для тысяч людей.

— Да.

— А прежняя редакция запрещает отнимать волю.

— Похоже на то.

Мира подошла к окну. Тави возился у колодца, пытаясь отмыть пальцы от серебряной пыли.

— Если мы объявим об этом сейчас, — сказала она, — она просто назовёт растение испорченным. У нас нет ни полного договора, ни основания поправки, ни способа защитить свидетелей.

— И некому починить все шлюзы, если корона в ответ перекроет доступ к сети.

Она обернулась.

— Значит, нам нужно больше, чем правда.

— Нам нужны люди, которые смогут с ней что-то сделать.

Элиан положил ладони на стол так, чтобы Мира видела их.

— Вы говорили, что хотите доказать невиновность матери. Сегодня вы нашли свидетельство того, что она защищала. Но я не хочу, чтобы моя история заставила вас бросить вашу.

Мира медленно покачала головой.

— Вы не можете заставить меня выбрать, Элиан. Только я сама.

Он опустил глаза.

— Простите. Я неудачно выразился.

— Нет. Вы выразились точно. Вы боялись, что я пожертвую собой ради вас.

Его молчание подтвердило её догадку.

— Я тоже этого боюсь, — призналась она. — И всё же собираюсь продолжать. Потому что Рису Таннеру сегодня объяснили, будто его страх за дочь — это нарушение верности королевству. Потому что моя мать знала, как всё началось. И потому что вы не обязаны всю жизнь платить за решения взрослых, принятые без вашего согласия.

Элиан смотрел на неё так долго, что Мира невольно отвела взгляд.

— Я не знаю, что ответить, — сказал он.

— Тогда не отвечайте.

Она придвинула к нему чистый лист.

— Поможете составить перечень того, чего мы не знаем?

Он сел напротив. И впервые за день улыбнулся без усилия.

Они записали три вопроса: кто внёс поправку, где хранится полный первоначальный договор и почему голос Элиана необходим новому обряду.

На последней строке Мира остановилась.

— Нужно ещё одно, — сказала она. — Как освобождать людей, не оставив их без воды.

Элиан кивнул и вписал четвёртый вопрос собственноручно.

⁂

Вечером Рис Таннер вернулся к дверям сада. На этот раз рядом с ним стояла жена, держа за руку бледную маленькую девочку в красном шарфе. Крапива у его порога всё ещё росла, но мастер смены, узнав о жалобе, согласился отложить взыскание до проверки формулы.

Мира не сказала Рису, что всё уладится. Она только показала копию его показаний и объяснила, кто согласился их зарегистрировать.

Мужчина долго смотрел на бумагу.

— Значит, я ещё могу спорить?

— Да, — ответила она. — И вы вправе делать это без моего разрешения.

Его жена впервые улыбнулась.

Когда семья ушла, Мира заметила Элиана у ворот. Он не подходил во время разговора. Ждал, прислонившись плечом к камню, пока солнце медленно скрывалось за крышами.

— Вы могли уйти, — сказала она.

— Мог.

— Почему остались?

Он задумался.

— Хотел узнать, вернётся ли он.

Мира посмотрела на опустевшую дорожку.

— Вернулся.

— Да.

И в этом коротком согласии было больше утешения, чем в самых красивых обещаниях.

Над северной стеной темнели семь сомкнутых бутонов. Мира знала теперь: их свидетельство не укажет ей сразу всех виновных. Оно не восстановит погибших и не исправит разрушенные жизни. Но первая, самая древняя формула была сохранена.

Не человеком, которого можно запугать.

Не книгой, из которой можно вырезать страницу.

Живым растением, выросшим из нарушения королевского слова.

В ту ночь Мира впервые открыла новый журнал не с вопроса о том, что произошло с матерью, а с вопроса о том, что ещё можно спасти.

На первой странице она написала: «Свидетельство не есть подчинение».

И оставила под этой строкой чистое место для имён тех, кто однажды решит подтвердить её без клятвы.

Глава 11. Письма без подписи

В первое утро после праздника Мира обнаружила, что кто-то передвинул её рабочий стол.

Совсем немного — на ширину ногтя. У левой ножки остался светлый след на тёмных досках, а стопка чистых журналов лежала корешками к окну, хотя вечером она поставила их к двери. Замок не был взломан. На полке не пропало ни одного справочника. И всё же комната выглядела так, будто чужой человек старательно возвращал вещи на места, не зная, где их настоящее место.

Мира закрыла дверь изнутри. Затем опустилась на колени и проверила нижний ящик. Там лежали её записи о двух отголосках чёрного цветка, завернутые в плотную ткань. Она развернула свёрток. Пластины остались целы, но тонкий волосок, который она накануне прижала крышкой ящика, исчез.

Она сама устроила эту нехитрую ловушку. Теперь жалела, что не поставила ещё одну.

В коридоре послышался стук тележки. Мира поднялась и открыла дверь.

— Тави, — позвала она мальчика, проходившего с ведром, — кто заходил сюда после закрытия сада?

— Я, — ответил он. — За оставленной тряпкой. И мастер Орен — он искал щипцы.

— Кто-нибудь ещё?

— Не видел. А что?

Мира посмотрела через его плечо на влажную дорожку. Между камнями блестела свежая вода; возле двери ни одного следа не сохранилось.

— Кто-то читал мои записи.

Тави поставил ведро так резко, что вода выплеснулась ему на сапог.

— Их забрали?

— Нет. Это хуже. Теперь неизвестно, какие страницы успели скопировать.

Он хотел немедленно проверить окна и замок, но Мира остановила его.

— Сначала пойдёшь к Орену. Скажешь только, что замок нужно заменить. Никого не обвиняй. Даже если уверен.

— Ты мне тоже не доверяешь?

— Я доверяю твоим глазам. И хочу, чтобы ты научился отличать увиденное от догадки.

Тави нахмурился, обдумывая слова. Затем кивнул и поднял ведро.

Оставшись одна, Мира достала из-за спинки шкафа вторую папку. Самые важные наблюдения она вчера перенесла сюда: копии знаков, точную последовательность голосов и отдельную запись Элиана. Первая папка содержала те же даты, но не все подробности. Её могли прочитать; вторую пока не нашли.

Это было небольшое преимущество. Мира не обманывала себя, называя его безопасностью.

⁂

Элиан пришёл через сорок минут и принёс хлеб, сыр и записку от Инги Мор. Он не вошёл сразу, остановившись на пороге.

— Мне передали, что здесь меняют замок. Можно?

— Входите. Только не двигайте стол.

Он посмотрел на ножки, затем на стопку журналов.

— Взлома нет?

— Нет. Но вещи трогали, а моя отметка на ящике исчезла.

Он положил завтрак на свободный край полки.

— Значит, кто-то получил доступ, но мы не знаем, что он искал. Вы сообщили охране?

— Начальнику той охраны, которая вчера разрешила извлекать корни без моего согласия? Пока нет.

— Я бы тоже сперва проверил, кто имеет ключи.

Мира подняла на него глаза.

— Вы не станете уверять меня, что всё обойдётся?

— Не стану.

— Хорошо. Мне надоело слушать обещания, которые никто не способен выполнить.

Элиан немного помолчал.

— А поесть вы согласитесь? Это не обещание. Хлеб уже здесь.

Она посмотрела на свёрток. С утра у неё не было ни капли чая.

— Согласна.

Они сели у окна. Пока Мира разламывала хлеб, Элиан передал записку. Инга сообщала, что Арден Сор готов показать старые чертежи южной насосной мастерской. Встреча была назначена на полдень; присутствие дворцовых чиновников инженер не предусматривал.

— Почему он изменил решение? — спросила Мира. — После аварии Арден избегал разговоров о прошлом.

— Инга сказала, он нашёл письма. Без подписи. Адресованы не ему по имени, а «тому, кто ещё умеет считать воду».

Мира отложила хлеб.

— Такой оборот могла использовать моя мать.

— Вы уверены?

— Нет. Она любила насмешливые подписи. Но обычно добавляла к ним своё имя.

Элиан кивнул.

— Значит, начнём с бумаги, чернил и содержания, а не с желания узнать её почерк.

Мира посмотрела на него и неожиданно улыбнулась.

— Вы очень неудобный союзник.

— Мне говорили.

— Потому что не позволяете мне торопиться.

— А вы не позволяете мне отступить до того, как я задам вопрос.

Она хотела ответить, но снаружи раздался удар молотка. Тави вернулся с Ореном и слесарем. Мира встала, впуская их, и впервые за утро почувствовала не облегчение, а ясность: тот, кто проник в кабинет, искал не растение. Он искал то, что растение могло доказать.

⁂

В южной насосной мастерской не было ни одного окна, выходящего на дворец. Здание стояло возле старого моста, ниже уровня главной улицы. Его кирпичные стены скрывали шум работающего насоса, а медные трубы под потолком были покрыты зелёной патиной.

Инга встретила их у верстака.

— У меня полчаса до собрания с мастерами. Арден может говорить дольше, если не начнёт ругаться раньше времени.

— Я уже начал, — отозвался инженер из соседней комнаты.

Он появился с двумя папками под мышкой и в очках, которые, судя по трещине в оправе, давно следовало заменить. Увидев Миру, остановился.

— Ты действительно похожа на Лиссу. Только она сначала проверяла расчёты, а потом спорила.

— Я тоже могу сначала проверить, — ответила Мира.

— Тогда у нас появится шанс поговорить.

Инга фыркнула и направилась к лестнице. У двери она обернулась:

— Любые действия с городскими каналами — только через меня. Не через дворец и не по красивому плану на бумаге. Если вы сломаете механизм, мои люди будут стоять по колено в воде и вытаскивать чужих детей.

— Согласна, — сказала Мира.

Арден проследил, как закрылась дверь, и указал на длинный стол.

— Вот почему я ей доверяю. Она всегда спрашивает, кто будет расхлёбывать последствия.

На столе лежал план водоснабжения Лиара. Толстые синие линии обозначали действующие каналы, красные — аварийные перепуски. Но вдоль нижнего края тянулась ещё одна сеть, нанесённая зелёными чернилами: семь отдельных рукавов сходились к небольшому круглому резервуару под старой площадью.

Мира наклонилась.

— В нынешних схемах этого резервуара нет.

— Он есть, — возразил Арден. — Закрыт каменной плитой и забит илом. Двадцать лет назад я просил средства на расчистку. Мне ответили, что корневая печать надёжнее любого резервуара.

Элиан изучал подписи на полях.

— «Свободный перелив». Что это значит?

— Вода шла из верхних бассейнов по уклону и распределялась через механические затворы. Свидетельствующие корни лишь подтверждали, какие мастера приняли смену и какие обязанности согласились исполнить. Они не заменяли рычаги и не могли удерживать работников на месте.

— Тогда как появилась зависимость от коронной печати? — спросила Мира.

Арден снял очки.

— Постепенно. Переливные каналы перестали чистить. В двух районах старые затворы разобрали на металл. А новые подпорные механизмы связали с магией так тесно, что без неё давление меняется скачками. Никто не изобрёл новую воду. Мы просто разучились проводить старую.

Он положил перед ними первый конверт.

— Письма начали приходить ко мне тринадцать лет назад. Иногда по одному в месяц, иногда с перерывами. На конвертах не было ни имени отправителя, ни печати. Только мелкий чертёж капли у края.

Мира осторожно извлекла лист. Бумага была плотной, серой, с волокнами льна. На ней стояли расчёты пропускной способности старого резервуара, а ниже — короткая фраза: «Пусть никто не останется связанным только потому, что вода должна течь».

Она прочла её дважды.

— Это похоже на маму.

— Похоже, — согласился Арден. — Но я не видел человека, который отправлял письма. И в некоторых записках расчёты сделаны рукой чертёжника, а не садовника.

Элиан взял другой лист, оставив его лежать на столе.

— Тут два почерка. Основной текст написан тонким пером, поправки — широким. Вы проверяли, когда они появились?

— Поправки, вероятно, сделаны позже. Но чернила одного цвета; доказать без лаборатории нельзя.

Мира просмотрела следующий конверт. Дата на нём была за десять месяцев до гибели Лиссы. Внутри лежала схема бокового шлюза, а на обороте — перечень расходных материалов: двадцать досок из сухого дуба, четыре железных винта, медная решётка.

— Это не тайный ритуал, — произнесла Мира.

— Нет, — сказал Арден. — Это список для ремонта насоса.

Он произнёс последнее слово так, словно хотел защитить его от чьего-то презрения.

— Вот что меня беспокоит. Лисса понимала: нельзя просто оборвать принудительную связь и объявить людей свободными. Сначала необходимо было дать воде другой путь. Кто-то составлял для неё такой путь на бумаге.

Мира смотрела на чертёж. Слова матери, голос чёрного цветка и вчерашний испуганный Рис Таннер наконец стали частями одной задачи. Свободный выбор требовал не только красивого закона, но и трубы, которая не лопнет в ту минуту, когда рабочий откажется от смены.

⁂

Арден отвёл их к старому резервуару. Спуск начинался под люком возле котельной; узкая железная лестница уходила в прохладную темноту. Инженер взял два фонаря и длинный измерительный шест.

— Здесь нет прохода в королевский архив, — предупредил он. — Если рассчитываете найти очередную тайную дверь, разочаруетесь.

— Я рассчитываю не упасть, — ответила Мира.

Арден хмыкнул.

На дне резервуара пахло илом и ржавчиной. Свет фонаря скользил по каменным стенам, по старым железным крюкам и выщербленной шкале уровня воды. В узком жёлобе действительно текла струя, почти скрытая под налётом.

— Он ещё живой, — тихо сказала Мира.

— Канал, не человек, — отозвался Арден. — Но да. Он не забит полностью.

Элиан присел перед старым затвором. Деревянная рама прогнила, а железная петля держалась на одном болте.

— Его нельзя открыть до ремонта.

— Правильно, — сказал Арден. — И вот с этого начинается любая честная революция: сначала замените петлю.

Мира улыбнулась, но затем заметила на камне слабое белое свечение. Между двумя плитами проходил корень, совсем тонкий, как нитка. Он не обвивал затвор и не тянул его. Просто рос вдоль воды.

Она приблизила стеклянную пластину. На ней проступили семь незамкнутых линий.

Элиан тоже увидел знак.

— Свободная сеть есть и здесь.

— Есть, — сказала Мира. — Но это ещё не доказательство, что она может нести нагрузку.

Арден одобрительно кивнул.

— Наконец-то слова, которые приятно слышать от человека, изучающего магию.

Они измерили глубину жёлоба и толщину остаточного слоя ила. Арден записывал цифры, а Мира держала фонарь. У самой стены Элиан нашёл металлическую бирку, покрытую зелёным налётом. Под налётом сохранился год установки затвора — задолго до создания принудительной системы.

— Значит, этот путь действительно работал, — сказал он.

— Работал, — отозвался Арден. — В других условиях. Переделать его можно, но расчёты должны делать те, кто отвечает за город.

Мира вновь посмотрела на белый корень. Ей хотелось коснуться его, проверить, услышит ли она материнский голос. Но она убрала пластину.

Вчера она могла бы попытаться выжать из магии ответ. Сегодня впервые увидела, сколько людей зависело от того, не поспешит ли она.

⁂

Наверху их ждал мужчина в мокром плаще. Он не представился, лишь показал Ардену жетон городской канцелярии.

— Проверка производственных помещений, — объявил он. — По распоряжению управления водного порядка.

Арден перегородил вход в котельную.

— Проверяйте журнал смен. Подземные помещения закрыты из-за технического состояния.

— Нам сообщили, что здесь ведутся исследования вне утверждённого порядка.

— Мы осматриваем заброшенный затвор, — сказала Мира.

Мужчина перевёл взгляд на её зелёный плащ.

— Госпожа Вейл? Тогда вам надлежит предоставить записи.

Элиан стоял чуть позади. Мира почувствовала, как в комнате всё стало теснее.

— Предоставлю официальному проверяющему после получения письменного основания, — ответила она.

— Я уже назвал управление.

— Это не документ.

Мужчина шагнул к столу с письмами.

Арден мгновенно положил на папку ладонь.

— Частная переписка. Не входит в журнал станции.

— Тогда вам нечего скрывать.

— Именно поэтому вы можете прислать законное требование.

Человек с жетоном посмотрел на Элиана. Узнавание мелькнуло в его глазах.

— Господин Роэн. Вы можете подтвердить, что доступ к объекту разрешён?

Элиан не поспешил с ответом.

— Могу подтвердить, что мы вошли с согласия ответственного инженера. Право требовать частную переписку из этого не следует.

— Мне придётся доложить, что вы препятствовали проверке.

— Доложите именно то, что произошло, — сказала Мира. — И укажите, что вас не допустили к опасному затвору до оценки его состояния.

Проверяющий задержал взгляд на письмах. Затем убрал жетон и ушёл.

Арден не двигался, пока шаги не стихли за воротами.

— Пять минут, — сказал он. — Столько понадобилось, чтобы кто-то прислал сюда человека после вашего прихода.

Мира посмотрела на Элиана.

— За нами следили от сада?

— Возможно. Или следят за Арденом с самого праздника. Нам нельзя объявлять предположение установленным фактом.

— Вы опять невыносимы.

— Зато последовательны.

Арден сухо рассмеялся, но быстро перестал.

— Забирайте копии. Оригиналы останутся у меня. Инга зарегистрирует техническое состояние затвора, чтобы никто не смог утверждать, будто мы его испортили.

Мира осторожно сложила листы.

— А если за ними вернутся?

— Здесь работают сорок человек, — ответил Арден. — Бумагу можно украсть. Но нельзя заставить всех забыть, как выглядела сломанная петля.

Элиан опустил глаза на письма.

— Иногда, к сожалению, можно заставить людей забыть собственные показания.

Арден посмотрел на него и впервые не нашёлся с возражением.

⁂

Они вышли на набережную, когда городские часы пробили три. Дождь закончился, но камни ещё хранили влагу. С торговых рядов тянуло печёным луком, а над каналом висела белая дымка.

Мира несла копии в сумке, прижимая ремень к плечу. Элиан шёл справа, ближе к воде. Некоторое время они обсуждали размеры затвора и стоимость дубовых досок. Затем разговор иссяк.

— Вы сердитесь, — заметил Элиан.

— На кого?

— Пока не знаю. Но вы трижды затянули ремень так, что у вас побелели пальцы.

Она ослабила хватку.

— Я думала, мы найдём письмо матери. С её подписью. С объяснением. Может быть, даже с просьбой ко мне.

— А нашли расчёты.

— Да. Совершенно прекрасные, необходимые расчёты. И неизвестных людей, которые помогали ей, но не оставили имён.

Они остановились у перил. Внизу плавно проходила баржа с бочками масла.

— Мне было пятнадцать, — сказала Мира. — После пожара я искала мамин голос везде: в журналах, в записках о покупке семян, даже на старых этикетках. Я думала, если соберу достаточно слов, однажды пойму, что она собиралась мне сказать.

Элиан не перебивал.

— А теперь чем больше слов нахожу, тем меньше знаю о ней. Оказалось, она занималась не только садом и мной. Она строила что-то огромное, о чём я ничего не подозревала.

— Возможно, она рассчитывала, что вы проживёте жизнь, в которой вам не понадобится знать об этом.

Мира посмотрела на него.

— Вы защищаете её?

— Нет. Я не знаю, имела ли она право скрывать всё от вас. Я только допускаю, что её решения могли быть одновременно правильными в одном и жестокими в другом.

Она медленно выдохнула.

— Хотелось бы ненадолго перестать видеть во всех людях противоречия.

— Тогда я неподходящий спутник.

Мира рассмеялась прежде, чем успела сдержаться.

Элиан улыбнулся. Затем его взгляд скользнул к её рукам. На костяшке указательного пальца виднелась тонкая царапина от ржавого затвора.

— У вас кровь.

— Почти ничего.

Он достал чистый платок, но не протянул сразу.

— Вы хотите перевязать?

— Хочу. И платок мне пригодится.

Мира взяла ткань. Пальцы на мгновение соприкоснулись. Элиан не отдёрнул руку, однако и не задержал её.

Она замотала царапину, чувствуя его взгляд, и вдруг спросила:

— Вы когда-нибудь писали письмо, которое боялись подписать?

Он долго молчал.

— Да.

— Кому?

— Человеку, которому причинил вред. Мне казалось, подпись превратит письмо в просьбу о прощении. А я не имел права его требовать.

— Вы отправили?

— Нет. Сохранил. Потом понял, что решать, читать или нет, должен был не я.

Мира посмотрела на воду.

— Может быть, письма без подписи тоже не всегда означают трусость.

— Не всегда, — согласился Элиан. — Но и храбрость не доказывают. Придётся разобраться, что с их помощью сделали.

Ветер поднялся над каналом. Мира плотнее запахнула плащ и впервые не почувствовала необходимости заполнить наступившую тишину.

⁂

К вечеру Нерин пришёл в сад через служебные ворота. После угрозы его сопровождал человек Инги, который остался ждать у входа. Архивист держал одну руку под плащом; запястье всё ещё беспокоило его.

Мира посадила Нерина у печки и дала ему копии писем.

Он узнал серую бумагу сразу. Это было видно по тому, как он осторожно провёл пальцем по кромке одного листа.

— Ты их видел? — спросила Мира.

— Похожие — да. Не эти экземпляры.

Клятвенная отметина осталась спокойной.

— У мамы были помощники?

Нерин посмотрел на Элиана, потом на стол.

— Она сотрудничала с инженерами, садовниками, архивными служащими. Когда человек пытается что-то изменить, одной профессии редко хватает.

— Почему они не подписывали письма?

— Не могу ответить за каждого.

Это был не уклончивый отказ, а точная граница его знания. Мира различила их впервые без злости.

Элиан указал на рисунок капли в углу конверта.

— Знак встречается и на других документах?

Нерин задумался.

— В старой водной службе им отмечали временные расчёты, ещё не утверждённые для исполнения. Это не подпись человека. Скорее предупреждение: проверяйте перед использованием.

Мира посмотрела на листы. Капля, которую она готова была принять за тайный знак матери, оказалась профессиональной пометкой.

— Значит, письма могли переходить из рук в руки.

— Да, — сказал Нерин. — И расчёты могли исправлять несколько человек.

Она заметила, что архивист внимательно разглядывает нижний край последнего листа.

— Что там?

— Водяной знак бумажной мастерской. Смотри на просвет.

Мира подняла лист к лампе. В волокнах проступил маленький мост из трёх арок.

— Такие листы продавали всем ведомствам, — продолжил Нерин. — Но для чертёжных нужд их резали по определённому размеру. Если найдёте журнал закупок мастерской, сможете установить, когда и кому выдали партию.

— Это можно сделать без нарушения вашей клятвы? — спросил Элиан.

— Я рассказал о бумаге, — ответил Нерин. — Не о том, что на ней написано.

На этот раз он позволил себе короткую улыбку.

Мира положила лист на стол и достала запись о пропавшей странице. Семь незамкнутых линий и её новый вопрос были написаны рядом.

Нерин увидел запись. Его лицо стало суровым.

— Не соединяй пока эти дела только потому, что они касаются Лиссы.

— Но они связаны.

— Возможно. Однако письмо с расчётом водного потока не равно свидетельству о голосовой связи. Если смешаешь их, достаточно будет опровергнуть один лист, чтобы людям показалось ложным всё остальное.

Мира хотела возразить, но сдержалась. Он говорил как архивист, который всю жизнь видел, насколько легко неверная подпись способна испортить верный документ.

— Тогда будем вести отдельные дела, — сказала она. — Седьмая страница — отдельно. Письма — отдельно. Водные измерения — отдельно.

Нерин одобрительно кивнул.

А Элиан достал чистые листы и без единого слова разделил их на три стопки.

⁂

После ухода архивиста Мира задержалась у двери кабинета. Новый замок уже стоял на месте. Тави оставил возле стола маленькую деревянную табличку: «Не входить без хранительницы». Буквы получились неровными, последняя едва помещалась на доске.

— Полагаете, табличка поможет? — спросил Элиан.

— От людей, которые читают надписи, — возможно.

Она сняла табличку и положила внутрь, чтобы не привлекала внимания с дорожки.

Элиан остановился у порога.

— Завтра я намерен передать Инге протокол того, что видел на насосной станции. Без сведений о вашей матери. Только состояние старого затвора и работа свободных корней.

— Это разумно.

— Но сегодня пришло распоряжение от регента. Она хочет, чтобы я повторно явился к магистру Велану.

Мира застыла.

— Зачем?

— В письме сказано: «Для завершения проверки». Никаких подробностей.

— Вы пойдёте?

— Не завтра. Сначала запрошу письменный протокол.

— Они могут заставить вас.

— Могут попытаться.

Мира услышала в его голосе усталость, которую он обычно скрывал. Ей захотелось дотронуться до его руки. Она уже почти подняла ладонь, но остановилась.

— Элиан, — сказала она, — я хотела бы, чтобы вы знали: вам не нужно защищать меня от каждого известия.

Он посмотрел на неё.

— Я понимаю.

— Нет. Вы не обязаны рассказывать мне всё. Но если решите молчать, пусть это будет потому, что вы сами не готовы говорить, а не потому, что считаете меня слишком слабой, чтобы услышать.

Он долго стоял неподвижно.

— Справедливо, — произнёс наконец. — Тогда я скажу ещё кое-что. Сегодня, когда вы подняли письмо к свету, моя метка отозвалась. Совсем слабо. Не на весь лист — на маленький знак рядом с последним расчётом.

Мира поспешно раскрыла папку. В нижнем углу схемы, почти под сгибом, находилась едва различимая черта. Она была не похожа на водяную каплю. Семь крошечных штрихов расходились от пустого центра.

— Вы уверены, что почувствовали именно это?

— Нет. Но боль исчезла, когда вы сложили лист.

Мира осмотрела бумагу при лампе. Знак был нанесён серебряным порошком, смешанным с чернилами. Так писали не обычные расчёты, а предупреждения для тех, кто мог распознать корневое свидетельство.

— Значит, один из авторов письма знал о свободной сети, — сказала она.

— Или воспользовался знаком, не зная его значения, — возразил Элиан.

Она улыбнулась устало.

— Да. И это мы тоже проверим.

За окнами чернела северная стена. Семь бутонов спали, и сад казался обычным, почти мирным.

Мира положила письмо отдельно от остальных. На верхнем листе написала: «Источник не установлен. Содержимое требует независимой проверки».

Элиан прочёл запись и кивнул.

— Вашей матери понравилась бы такая осторожность?

— Не знаю, — ответила Мира. — Возможно, она велела бы мне сперва поужинать.

— В этом случае у меня есть предложение. На кухне ещё подают горячий суп.

— Это приглашение?

— Да. От которого можно отказаться.

Мира погасила лампу и взяла плащ.

— Тогда сегодня не откажусь.

Они вышли на дорожку вместе. Впереди был старый дворец, где люди продолжали давать клятвы. Под ним текла вода, которая когда-то обходилась без принуждения. А в сумке Миры лежали письма без подписей — не признание, не обвинение и не готовое спасение, а первые чертежи дороги, которую ещё предстояло построить.

Глава 12. Ужин с регентом

На следующее утро Элиану принесли приглашение, написанное на толстой кремовой бумаге. В нём не было слова «приказ». Это слово заменяли три других: «Её светлость ожидает».

Обеденный час назначили на семь вечера. Малую столовую закрытого северного крыла отвели для встречи без советников и секретарей. Элиан прочёл приглашение возле распахнутого окна, затем повернул лист. На обороте стоял едва заметный знак отдела свидетельств: замкнутые семь линий.

Посыльный ожидал ответа, выпрямившись у двери.

— Я получил приглашение, — сказал Элиан.

— Её светлости нужно подтверждение вашего присутствия.

— Можете сообщить, что я намерен прийти.

Молодой человек покраснел.

— В канцелярии потребовали слово «обязуюсь».

Элиан положил бумагу на подоконник. Снаружи шёл обычный дворцовый день: слуги вытряхивали ковры, двое стражников спорили у ворот, по мокрой после полива дорожке несли корзины с кореньями. Мир мог выглядеть совершенно нормальным в ту минуту, когда кто-нибудь пытался забрать у тебя право выбирать слова.

— Передайте мой ответ дословно, — сказал он. — Если этого недостаточно, пусть пришлют новое приглашение.

Посыльный ушёл с таким видом, словно собственноручно подписал государственную измену.

Элиан подождал, пока шаги стихнут, и достал второе письмо. Оно пришло из лечебницы: Дарену Мальту разрешили продолжить службу после выздоровления, но вопрос о дисциплинарном взыскании оставался открытым. В приложении лежал счёт за лечение и отметка о том, что его свидетельские показания приняты. То, что Дарена пока не уволили, не означало, что ему вернули свободу. Просто решение отсрочили.

Элиан надел дорожный сюртук и направился в сад.

⁂

Мира обнаружила его у восточного павильона, где сама пыталась объяснить Тави, почему нельзя проверять серебряную пыль на живых корнях без защитного стекла.

— Я не высыпал её, — защищался мальчик. — Я только открыл банку.

— Над рассадой.

— Над пустым столом, рядом с рассадой.

— Возьми щётку и убери стол. А затем проверь крышку у каждой банки на этой полке.

Тави хотел возразить, но заметил Элиана и предпочёл удалиться. У дверей он всё же обернулся:

— Сегодня утром кто-то спрашивал, где вы храните старые карты каналов. Я сказал, что не знаю.

— И это правда? — спросила Мира.

— Теперь да. Я перестал туда заглядывать.

Она дождалась, пока он уйдёт, и посмотрела на Элиана.

— Не нравится мне, что взрослые начали спрашивать дорогу у детей.

— Мне тоже. Я получил приглашение к регенту.

— Официальное?

— За ужином. Наедине, если верить бумаге.

Мира вытерла руки полотенцем.

— Она хочет говорить без свидетелей.

— Не обязательно. Во дворце почти невозможно оставаться без свидетелей. Иногда их просто не видно.

Он протянул приглашение. Мира изучила оборотную печать и нахмурилась.

— Это не придворная канцелярия. Отдел свидетельств.

— Я заметил.

— Значит, за ужином вам могут предложить подписать нечто гораздо серьёзнее меню.

Элиан коротко улыбнулся, но Мира не улыбнулась в ответ. Она смотрела на знак слишком внимательно.

— Скажите, если вас посадят в круг или поставят возле королевского корня, вы почувствуете связь заранее?

— Обычно боль приходит раньше приказа. Но я не готов называть это надёжным предупреждением.

Она прошла к шкафу, достала небольшой плоский футляр и вложила в него чистую стеклянную пластину.

— Возьмите. Если рядом окажется действующая печать, на стекле появятся линии. Не пытайтесь её разрушить. Просто запомните рисунок.

Элиан принял футляр.

— Это инструмент из ваших рабочих запасов?

— Да.

— Вы рискуете должностью, передавая его мне.

— Только если буду делать вид, что не передавала.

Он поднял брови.

— Вы собираетесь записать передачу?

— Конечно. Сегодня мы оба должны хотя бы раз поступить разумно.

Мира вынула журнал, указала дату, цель временной выдачи и попросила Элиана расписаться. Он сделал это, удивлённый больше самим её спокойствием, чем осторожностью.

— Вы считаете, регент позволит мне уйти после отказа?

— Не знаю. Но она не может удерживать вас вечно без дипломатических последствий. Ей требуется ваше сотрудничество, а не ваше исчезновение.

— На этом различии легко ошибиться.

— Поэтому не будем ошибаться намеренно.

Он задержался у двери.

— Вы хотели бы присутствовать?

— Разумеется. Но меня не пригласили.

— Я не прошу вас вмешиваться. Только сообщаю, куда иду.

Мира посмотрела на него и неожиданно почувствовала благодарность: он не исчезал ради того, чтобы потом героически рассказать, какую опасность пережил в одиночку.

— После ужина приходите в мой кабинет, — сказала она. — Если захотите рассказать, что произошло.

— Хорошо.

И он ушёл, не добавив обещания, которое могло оказаться невыполнимым.

⁂

В семь часов малая столовая светилась мягким золотом. Шесть свечей стояли на столе из тёмного дерева. Между ними разместили серебряную вазу с белыми цветами и две тарелки, а возле высоких окон дежурили двое слуг.

Селда Аркен встретила гостя стоя.

— Господин Роэн. Я рада, что вы нашли время.

— Благодарю за приглашение, ваша светлость.

Она указала на стул напротив. Элиан сел только после того, как слуги отодвинули кресло и отошли. Он не произнёс ни одного слова, похожего на распоряжение.

За окнами горели огни нижнего города.

— Вы многое успели за несколько дней, — заметила регент, когда подали суп. — Посетили закрытый архив, вмешались в работу станции северных шлюзов, приобрели необычайную дружбу с хранительницей сада.

— Мы изучаем обстоятельства, способные повлиять на церемонию.

— Так говорят люди, которые собираются повлиять на церемонию сами.

Элиан положил ложку.

— Если бы я хотел скрывать наши встречи, вряд ли выбрал бы государственные учреждения.

Селда улыбнулась.

— Вы ещё не поняли главного достоинства дворца: в нём ничто не скрывается достаточно хорошо.

— Даже ошибки?

Улыбка исчезла с её лица лишь на мгновение.

— Особенно ошибки. Я слышала о стражнике, которому вы повредили руку. Ваши показания приняты. Я приказала отложить решение о взыскании до его выздоровления.

— Благодарю за это.

— Не спешите. История с Дареном Мальтом напоминает нам о том, как опасен дар, оставленный без надзора.

— Опасность исходит не только от дара. Иногда — от тех, кто намерен им воспользоваться.

Регент взяла бокал воды.

— Вы обвиняете меня?

— Я спрашиваю, для чего требуется повторная проверка у магистра Велана. Утром он пытался укрепить связь без утверждённого протокола.

Селда поставила бокал.

— Велан действовал неосторожно. За это он получил выговор. Но сама проверка необходима: через несколько недель на площади соберутся люди, от решений которых зависит жизнь тысяч семей. Мы должны знать, чего ожидать от вашего голоса.

— Вы можете ожидать, что я не буду отдавать им приказы.

— А если без приказа они погибнут?

Элиан промолчал.

Селда наклонилась вперёд.

— Вы видели северные шлюзы? Восемь тысяч семей. Одно неверное решение водных мастеров — и в нижние кварталы хлынет вода. Знаете, сколько времени понадобится, чтобы восстановить разрушенные каналы?

— Арден Сор занимается расчётами альтернативной системы.

— Арден — умный человек, — ответила она. — Но даже самый умный чертёж не удержит воду сегодня ночью. Вы с Мирой Вейл позволяете себе мыслить десятилетиями. Мне приходится отвечать за завтрашнее утро.

На этот раз Элиан не нашёл мгновенного возражения. Он вспомнил давление в насосной станции, металл, выгибающийся под напором, лица рабочих у рычагов. Селда не придумывала риск. Она выбирала способ управлять им.

— Тогда помогите восстановить механические шлюзы, — сказал он. — Не откладывайте это ради новых печатей.

— И кто заплатит? Не из красивых слов, господин Роэн, а из казны. Мы уже тратим больше, чем собираем.

Он взял чашу и отпил воды. В дальнем углу столовой часы отсчитывали секунды негромкими сухими щелчками.

— Вы пригласили меня не для обсуждения бюджета.

— Нет, — согласилась Селда. — Я пригласила вас, чтобы предложить выбор.

Она достала из-под сложенной салфетки тонкую папку. Печать на обложке была свежей. Семь замкнутых линий.

— Во время Дня возобновления клятв вы прочтёте текст, заверяющий, что все участники церемонии принимают обязательства свободно. После этого система получит единый голосовой ключ. В дальнейшем никто из чиновников не сможет втайне изменить условия.

Элиан не прикоснулся к папке.

— Чьи слова вы предлагаете произнести?

— Государственные. Юристы проверили формулу.

— Это не ответ.

Селда выдержала его взгляд и раскрыла документ. На первой странице значилось: «Протокол голосового подтверждения общего обязательства».

Ниже шёл текст, в котором одна фраза повторялась несколько раз в различных вариантах: «согласие считается подтверждённым с момента оглашения».

Элиан прочёл её дважды.

— Вы хотите, чтобы моё оглашение заменило согласие людей.

— Оно зафиксирует согласие, которое они уже дали при вступлении в службу.

— Они давали согласие на конкретные обязанности. Не на любой будущий текст.

— Государство не может заново договариваться с каждым человеком всякий раз, когда меняются обстоятельства.

Элиан поднял глаза.

— В таком случае вы говорите не о добровольности. Вы говорите об удобстве.

Слуга у окна слегка переменил положение. Селда заметила это и жестом отпустила прислугу. Дверь закрылась. Они остались в столовой вдвоём.

— Вы слишком молоды, чтобы помнить голод, — сказала она.

— И вы хотите, чтобы никто никогда не имел возможности отказаться от вашей защиты?

— Я хочу, чтобы дети не умирали из-за чужого тщеславия.

— Тогда нельзя строить государство так, чтобы одна подпись делала все последующие решения бессмысленными.

Селда некоторое время смотрела на него. Потом закрыла папку.

— Мне не нравится принуждение, господин Роэн. Но мне ещё меньше нравится хаос. Между ними приходится выбирать. Люди, которые утверждают обратное, обычно не отвечают ни за чьи жизни.

— Арден и Инга отвечают. И они предлагают иной путь.

— Через полгода, возможно. Не через двадцать дней.

На слове «двадцать» Элиан заметил несоответствие: до назначенной церемонии оставалось больше. Значит, часть работ намеревались начать раньше. Он удержался от вопроса. Пока сведения были слишком разрозненными.

— Что произойдёт, если я откажусь? — спросил он.

Селда встала и подошла к окну.

— Вас отзовут из дворца. Пограничный совет получит отчёт о нарушении сотрудничества. Госпожа Вейл может потерять полномочия, если расследование установит, что она передавала постороннему лицу материалы закрытого фонда.

— У вас нет такого расследования.

— Пока нет.

Элиан почувствовал знакомое напряжение под воротником. Не магическую боль — злость, для которой не находилось безопасных слов.

— Вы предлагаете мне причинить вред тысячам людей, чтобы не пострадал один человек, которому я доверяю.

— Я предлагаю вам сохранить порядок и не разрушать жизни тех, за кого вы взяли ответственность.

— Я не брал её за всех жителей Эстерваля.

— Но вы уже взяли за Миру Вейл. Разве нет?

Он медленно встал.

— Уход за человеком не даёт мне права решать за него.

Селда повернулась.

— Вы не ответили.

— Я ответил ровно на тот вопрос, на который имел право ответить.

Её лицо стало холодным.

— Подумайте до завтра. После полудня мне понадобится ваше решение.

Элиан поклонился и направился к двери.

— И ещё, господин Роэн, — сказала она ему вслед. — Дарену Мальту завтра предстоит комиссия о нарушении караульной присяги. Не стоит забывать, что иногда ваше молчание тоже имеет последствия.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Я уже дал показания.

— Значит, сделали всё, что считали необходимым.

Элиан вышел, прежде чем услышал бы в её словах ещё одно предложение сделки.

⁂

В коридоре не было никого. Свет факелов отражался на натёртом полу. Элиан опёрся ладонью о прохладный камень и дождался, пока напряжение в пальцах ослабнет.

Ему хотелось вернуться и сказать Селде, чтобы она оставила Миру в покое. Произнести это как приказ, увидеть, как регент отступит, и хотя бы на час перестать ждать угроз.

Но Селда не носила служебной корневой метки на виду. Он не знал, подействует ли голос. И даже если подействует, что изменится? Государство останется тем же, только на мгновение перейдёт во власть другого человека.

Он вытащил стеклянную пластину, которую дала Мира. На её поверхности возникли две тонкие серебряные дуги. Не полный знак — лишь след действующей печати. Он запомнил их расположение, убрал инструмент и пошёл дальше.

У лестницы его догнал Кайрен Дорн.

— Господин Роэн. Регент поручила обеспечить ваше сопровождение до покоев.

— Это охрана или конвой?

Кайрен не улыбнулся.

— Сегодня — охрана.

Они спускались молча. Потом командир произнёс:

— Дарен Мальт подал прошение о пересмотре отметки присяги. Ваши свидетельские показания приложены.

— Вы считаете, у него есть шанс?

— По закону — есть. По обычаю — меньше.

Элиан остановился на площадке.

— Если вам потребуется моё присутствие, я приду. При условии, что смогу говорить своими словами.

Кайрен посмотрел на него.

— После такого ужина вам стоило бы осторожнее выбирать обещания.

— Я не обещаю. Я сообщаю о намерении.

Командир неожиданно коротко усмехнулся.

— Во дворце разницу редко замечают.

— Именно поэтому она важна.

Кайрен открыл дверь в садовую галерею.

— Тогда сообщу ещё одно обстоятельство. Велан запросил доступ к старым корневым картам. По документам — для подготовки церемонии. Сегодня копии должны были передать его служащим.

Элиан почувствовал, как похолодел.

— Картам, с которыми работает хранительница?

— В том числе. Я не знаю, какие именно изъяли. Но вам стоит проверить опись вместе с ней.

— Почему говорите мне об этом?

Кайрен задержал взгляд на тёмном саде.

— Потому что не хочу однажды снова объяснять, что просто выполнил приказ.

Элиан кивнул. Больше они не говорили.

⁂

Мира ждала в кабинете, но не сидела без дела. Перед ней лежала таблица из трёх столбцов: отдельно свидетельства сада, отдельно архивные документы, отдельно расчёты водных мастеров. На краю стола стояла тарелка с нетронутым хлебом.

Когда Элиан вошёл, она поднялась так быстро, что опрокинула карандашницу.

— Всё в порядке?

Он поставил футляр со стеклом на стол.

— Не совсем.

Она посмотрела на его лицо и не стала спрашивать, не болит ли метка. Сначала задвинула дверь, налила воды и подвинула ему стул.

— Рассказывайте с того, что считаете нужным.

Он описал зал, папку с голосовой формулой, угрозу служебного расследования и назначенную на завтра комиссию Дарена. Не назвал себя жертвой и не пытался преуменьшить опасность для Миры. Она слушала, иногда уточняя слова, иногда записывая.

На фразе «согласие считается подтверждённым с момента оглашения» Мира отложила перо.

— Значит, формула может превратить чужое молчание в согласие.

— Не знаю, сработает ли она так магически. Но юридически именно этого они добиваются.

— Две угрозы в одном документе. Одна на бумаге, другая в корнях.

Элиан кивнул.

Мира некоторое время смотрела на его подпись в журнале выдачи инструментов.

— Регент упоминала меня?

— Да.

— Вы могли бы скрыть это.

— Мог. И тогда снова решил бы за вас, какую правду вам можно знать.

Она отложила карандаш. Между ними лежали три стопки документов. За окном шумели листья. Мира вдруг увидела не дипломата с опасным голосом, не загадочную фигуру в старом ритуале, а очень усталого человека, который пришёл к ней после неприятного разговора и всё-таки сумел сказать правду.

— Спасибо, — произнесла она.

— Я ничего не исправил.

— Это не обязательное условие благодарности.

Он улыбнулся едва заметно.

Мира взяла стеклянную пластину. Две тонкие дуги ещё проступали на ней; след исчезал медленно.

— Корневая печать находилась в столовой?

— Похоже. Но ни я, ни регент не были в свидетельствующем круге. Возможно, это обычная охрана помещения.

— Я проверю рисунок в старых каталогах, — сказала Мира. — Не станем делать выводов раньше времени.

Она закрыла футляр и вдруг заметила, что Элиан так и не притронулся к воде.

— Вы ужинали?

— Формально да. Почти ничего не ел.

— Тогда у меня есть хлеб, сыр и печальная репутация хозяйки, которая забывает кормить гостей.

— Звучит привлекательнее королевского стола.

Она рассмеялась и разделила хлеб пополам. Сыр оказался слишком солёным, а чай успел остыть. Они ели за рабочим столом, отодвинув бумаги к лампе, и какое-то время обсуждали самые обыденные вещи: как Тави сумел испортить щётку, почему садовые дорожки после дождя пахнут железом, какие сорта яблок лучше хранятся зимой.

Элиан рассказывал о пограничных трактирах, где хозяева называли любой напиток «лучшим в округе» и почти всегда врали. Мира смеялась над его невозмутимым тоном. Впервые за весь день его плечи опустились, а голос перестал звучать так, будто каждую фразу перед произнесением проверял невидимый судья.

Но когда за дверью послышались лёгкие шаги, он сразу замолчал.

Тави постучал и заглянул внутрь.

— Мира, я закончил проверять банки. И ещё… у ворот стоит человек с письмом из канцелярии. Он говорит, распоряжение срочное.

Мира обменялась взглядом с Элианом.

— Пусть передаст через дежурного, — сказала она. — Сам сюда не входит.

Тави кивнул и исчез.

Элиан поднялся.

— Это может быть новое требование.

— Возможно. Но мы не обязаны открывать дверь каждому, кто назвал свою бумагу срочной.

Она подошла к шкафу и достала чистый лист.

— Нужно действовать по трём направлениям. Я проверю печать столовой и архивные описи. Вы получите официальную копию формулы, если это возможно без новой активации метки. Инга и Арден должны узнать, что церемония может измениться до объявленного срока.

Элиан посмотрел на список.

— А Дарен?

Мира взяла перо и добавила четвёртую строку.

— Поможем ему оспорить отметку. Иначе все наши разговоры о свободе останутся только разговорами.

Он долго смотрел на написанное.

— Я боялся, что вы предложите защищать меня ценой чужих судеб.

— А я боялась, что вы снова решите защищать меня молча. Видите, как часто мы ошибаемся друг в друге?

Он улыбнулся — теперь уже открыто.

— Реже, чем прежде.

Мира подошла к двери, чтобы узнать, что принёс посыльный. На мгновение она остановилась рядом с Элианом. Их руки почти соприкоснулись.

Он не потянулся к ней.

И она не сделала этого.

Но тишина между ними не была прежней. В ней больше не требовалось доказывать, что можно остаться рядом, не произнося клятвы.

Мира открыла дверь.

На пороге лежал запечатанный пакет. Посыльный уже ушёл. Красная печать отдела свидетельств была цела, а на обороте аккуратно указано: «В канцелярию хранительницы. Для ознакомления».

Она разрезала конверт ножом для бумаги. Внутри находилась опись карт, временно переданных магистру Велану. Семь листов, каждый со своим регистрационным номером.

Шестой относился к водным шлюзам.

Седьмой — к северному архивному проходу.

Мира задержала взгляд на последней строке. Документ не доказывал преступления. Передача карт могла быть законной частью подготовки церемонии. Но она означала, что Велан теперь располагает планом единственного известного им пути к старому залу свидетельств.

— Он знает, где вход, — тихо сказала она.

Элиан подошёл, не касаясь бумаги.

— Или скоро узнает.

Мира сложила опись рядом с остальными материалами и проставила дату получения.

— Значит, нам нужно раньше него выяснить, что находится за железной дверью.

Элиан посмотрел на неё.

— Это опасно.

— Да.

— И вы всё равно намерены идти?

— Намерена подготовиться. А затем решить.

Он кивнул. На этот раз она не просила его обещать сопровождать её. И он не предложил героического ответа.

Вместо этого Элиан подвинул к себе старую карту и начал проверять расстояния между отмеченными проходами.

За окнами сад стоял неподвижный, тёмный, мокрый после дождя. Под ним продолжала работать вода. В корнях сохранялись слова тех, кто давно умер, а живые люди по-прежнему пытались решить, чем должна быть верность: добровольным выбором или удобным инструментом власти.

Мира взяла карандаш и присоединилась к нему.

Глава 13. Сад после полуночи

К полуночи дождь перестал, но сад ещё долго стряхивал с себя воду.

Капли падали с железных переплётов оранжереи на гравий и с глухим звуком разбивались о широкие листья папоротников. В северной части сада не горел ни один фонарь. Мира распорядилась оставить освещение только у служебных ворот: после случая со стражниками чёрная лоза тревожно отзывалась на слишком яркий свет.

В кабинете перед ней лежали две карты. Одна была новой, отпечатанной для дворцовых инженеров. Вторая, пожелтевшая и местами разлохмаченная, принадлежала ещё её матери. Мира совместила их края и придавила углы стеклянными пластинами.

На современной карте северный архив заканчивался глухой стеной. На старой под ним тянулся узкий ход, проходивший через зал с чашей и уходивший дальше, к железной двери. Мира провела по нему кончиком карандаша. После этого пришлось поставить ещё один вопросительный знак: неизвестно было, в каком состоянии находилась дверь и не перекрывали ли путь за ней обвалы.

— Восемь шагов от последнего поворота, — произнесла она. — Или одиннадцать, если мастер, составлявший карту, считал длину вместе с нишей.

— Вероятно, он считал так, как было удобно получить оплату, — раздался за дверью голос.

Мира подняла голову.

— Войдите, Элиан.

Он появился с небольшим свёртком и потемневшей от сырости книгой. Волосы у него были влажными; на воротнике остались крошечные капли. По тому, как осторожно он поставил свёрток на стол, Мира поняла, что внутри что-то хрупкое.

— У вас есть привычка гулять по саду после полуночи? — спросила она.

— Последние два дня она появляется. Прежде я обычно предпочитал спать.

— И как, помогало?

— Не слишком.

Мира улыбнулась и придвинула вторую лампу.

— Что принесли?

— Запрошенную опись актов. Копию, не оригинал. Чиновник, выдавший её, сумел объяснить, почему нельзя отдавать мне формулу обряда, но так и не объяснил, почему опись можно. А ещё хлеб с сыром. Я подумал, что это не повредит исследованию.

Он развернул ткань. Внутри лежали две небольшие булки и кусочки выдержанного сыра, завёрнутые в промасленную бумагу.

Мира посмотрела на них с подозрением.

— Вы говорили с Ореном?

— Сегодня — нет.

— Тогда откуда узнали, что я не ужинала?

Элиан взглянул на пустую чашку у её локтя.

— Исключительно дипломатическая наблюдательность.

Она взяла булку. Лишь откусив, поняла, насколько голодна.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он не сел, пока она не показала на свободный стул. Мира заметила эту маленькую осторожность и вдруг испытала не благодарность, а усталость от того, как много сил она у него отнимала.

— Элиан, — сказала она, — здесь можно садиться без особого приглашения.

— Я постараюсь запомнить.

— Вы опять обещаете постараться.

— Это безопаснее, чем обещать успех.

Он улыбнулся, но Мира увидела, как быстро улыбка исчезла, когда взгляд его упал на новую карту. На полях стояла красная отметка отдела магистра Велана.

— Значит, он получил ту же копию, — произнёс Элиан.

— И ещё шесть листов. Пока мы знаем только, что среди них схема шлюзов и северный проход. Никаких доказательств, что Велан готовит новое нарушение, у нас нет.

— Но есть причина не оставлять документы без присмотра.

— Да. Завтра утром я передам копии Инге. Её мастера смогут заметить, если кто-нибудь начнёт менять доступ к водным сооружениям.

Элиан раскрыл книгу. Между страницами лежала узкая бумажная полоска с регистрационными номерами.

— В канцелярии сказали, что полная формула обряда хранится у регента. Никакой комиссии, которая могла бы проверить её до церемонии, не назначено.

— Что удобно для регента.

— Очень.

Мира отложила карандаш.

— На ужине она угрожала вам не только мной, верно?

Элиан долго рассматривал собственные пальцы.

— Она говорила о Дарене. О его службе, о ребёнке, который скоро родится. О водных мастерах. Каждая судьба, которую я пытался защитить, превращалась у неё в довод за новый порядок.

— И о вас?

Он поднял глаза.

— Моё будущее обсуждалось как часть технического оснащения церемонии.

Мира прикусила губу.

— У неё это получается особенно жестоко.

— Она, вероятно, назвала бы это последовательностью.

За окнами дрогнула тень. Мира обернулась; по стеклу пробежала ветка винограда. Серебряная метка на шее Элиана в этот момент слабо засветилась. Он машинально прикрыл её ладонью.

— Болело днём? — спросила Мира.

— Меньше, чем вчера.

— Это не ответ на вопрос.

— Да. Когда в канцелярии обсуждали проверку, метка отозвалась. Больше я ничего необычного не заметил.

Мира не стала просить его показать шрам. За последние дни она несколько раз осматривала его и знала, что прикосновение к воротнику заставляет Элиана невольно напрягаться. Вместо этого она пододвинула к нему один из листов.

— У меня есть предложение. Пойдём к северной стене. Не в канал, только в сад. Мне нужно проверить, как чёрная лоза ведёт себя без свидетелей и инструментов. Если метка снова начнёт болеть, сразу уйдём.

— А если не начнёт?

— Тогда хотя бы узнаем, что одного нашего присутствия недостаточно для опасной реакции.

Элиан подумал.

— Согласен.

⁂

Они шли по мокрым дорожкам медленно. Мира несла фонарь с заслонкой, пропускавшей тонкую полосу света. Ветви старых яблонь нависали так низко, что приходилось пригибаться. По краям дорожки белели цветы невыполненных обещаний вернуться домой — простые колокольчики, которые почти никогда не срывали, потому что они быстро чернели в руках посторонних.

— Почему здесь столько белых? — спросил Элиан.

— Большинство из них принадлежит людям, которых не дождались. Сад получает свидетельство, когда закреплённую клятву нарушают. Но он не знает, почему это произошло. Человек мог передумать. Мог умереть в дороге. Мог не получить возможности вернуться.

— А суды читают растение как доказательство вины.

— Иногда. Мне приходилось давать заключения, в которых я прямо писала: «Причина не установлена». Судья однажды попросил заменить это на «отказ от возвращения». Я отказалась.

— И что было потом?

— Меня лишили доступа к части архивов на месяц. А судья всё равно вынес решение, но уже без моей подписи.

Элиан остановился возле низкого куста.

— Вы говорите об этом так, будто проиграли.

— Тот человек лишился разрешения на работу в столице. Для него мой отказ ничего не изменил.

— Изменил запись. Это не так мало.

Мира подняла фонарь. Лицо Элиана в узком свете казалось строже, чем днём.

— Вы умеете находить достоинство в поражениях?

— Нет. Просто знаю, что ложное согласие потом используют против тех, кто придёт следом.

Она пошла дальше, не отвечая. Приятно было услышать это от него — и больно, потому что она слишком давно считала собственное сопротивление бесполезным.

У северной стены чёрные бутоны оставались закрытыми. Мира остановилась в трёх шагах от ограждения, поставила фонарь на камень и достала стеклянную пластину. Элиан остался рядом, но чуть позади.

Ничего не произошло.

Только капля упала с листа на железный прут.

— Пока спокойно, — сказала Мира.

— Я тоже заметил.

Она приложила пластину к выступавшему из земли белому корешку. На стекле проступили незамкнутые линии, затем затуманились. Ни голоса, ни вспышки.

— Система не обязана реагировать на каждое приближение, — тихо сказала Мира, скорее себе самой.

— Это плохая новость?

— Это честная новость. Мы не можем вызывать свидетельство по желанию.

За стеной с глухим звуком упала капля воды. Элиан обернулся, Мира тоже. На мгновение обоим почудились шаги. Но затем ветер прошёл по высокой изгороди, и шум повторился.

— Вы и здесь ждёте, что нас подслушают, — заметил Элиан.

— У сада свои привычки. У дворца — свои.

Она собрала инструменты, но уходить почему-то не хотелось. В тишине было легче разговаривать, чем за столом, заваленным доказательствами. Здесь не лежало ни одного письма регента, ни одного приказа. Только растения и двое людей, которым было нечего поручить друг другу.

— Расскажите об Аделин, — неожиданно произнесла Мира.

Элиан застыл.

— Почему сейчас?

Мира пожалела о вопросе, но не стала отступать.

— В павильоне вы сказали, что она ушла после пожара. А я с тех пор думаю о том, каким должно быть чувство, если даже спасение жизни разрушает его.

Он долго молчал.

— Мы хотели жить спокойно, — сказал наконец. — Это звучит почти смешно, если знать, как я тогда разговаривал. Я боялся каждого распоряжения и потому пытался устроить всё так, чтобы вообще ни о чём не просить. Покупал нужные вещи раньше, чем она успевала их назвать. Отказывался от встреч, где мне пришлось бы говорить слишком много. Она называла это заботой. Иногда, наверное, так и было. Иногда я просто не оставлял ей места выбирать.

Мира опустилась на низкую каменную скамью.

— Она говорила вам об этом?

— После пожара. Не сразу. Сначала мы оба делали вид, что ничего не изменилось. А потом она сказала: «Я не знаю, когда ты заботишься обо мне, а когда устраиваешь мир так, чтобы тебе не пришлось бояться».

Он провёл рукой по мокрой спинке скамьи, но не сел.

— Я обиделся. Думал, она несправедлива ко мне. А потом понял, что не спросил ни разу, какой жизни она сама хочет.

— Вы не обязаны были угадать всё заранее.

— Нет. Но мог спросить.

Мира посмотрела на его руки.

— И всё-таки вы спасли её.

— Да. Не жалею, что вывел её из огня. Жалею о том, что уже после пытался решить за неё, что она должна чувствовать благодарность, а не страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.